

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный технический университет»
(ТвГТУ)

И.В. Довгалева

Социальная антропология

Учебное пособие

Тверь 2023

УДК 316:008(075.8)

ББК 605: 71я7

Рецензенты: кандидат философских наук доцент кафедры социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета Верпатов О.Ю.; кандидат психологических наук доцент кафедры социальной работы и педагогики Тверского государственного университета Мороз М.В.

Довгалева И.В. Социальная антропология: учебное пособие. Тверь: Тверской государственный технический университет, 2023. 80 с.

Представлены материалы об основах социальной антропологии, отраслевом многообразии науки. Рассмотрены процессы становления и развития науки, особенности антропологического подхода к изучению человека, культуры и общества. Освещены основные методы социально-антропологического исследования.

Предназначено для преподавателей и студентов направлений подготовки бакалавров 39.03.01 Социология, 43.03.01 Сервис, 38.03.03 Управление персоналом.

ISBN 978-5-7995-1274-3

© Тверской государственный
технический университет, 2023
© Довгалева И.В., 2023

Глава 1. Социальная антропология как наука

1.1. Антропология и ее основные направления

Понятие «антропология» берет начало от двух греческих слов: «антропос» – «человек» и «логос» – «учение». В самом широком смысле оно означает учение о человеке. Весьма примечательным является определение, которое дается в одном из культурологических словарей: «Антропология – область научного познания, в рамках которой изучаются фундаментальные проблемы существования человека в природной и искусственной среде» [1].

Современная антропология представляет собой сложную систему знаний, в которой можно выделить несколько основных направлений.

Физическая антропология – это биологическая наука, изучающая вопросы происхождения и эволюции человека, образования человеческих рас и физического строения тела человека. Она сформировалась к середине XIX в. В ее рамках рассматриваются антропогенез, физиология, анатомия, морфология человека и др.

Философская антропология – философское учение о человеке. Представители этого вида антропологии изучают такие вопросы, как происхождение и сущность человека, смысл жизни, смерть и бессмертие, взаимодействие человека с природой и обществом. Известные мыслители прошлого (Сократ, Платон, Аристотель, Августин, Декарт, Кант, Маркс и многие другие) оставили богатое теоретическое наследие, которое не теряет своей актуальности. Трудно оспорить известный тезис древнегреческого мыслителя Сократа: «Познай самого себя» [12].

Культурная антропология – это область научных исследований, связанных со взаимоотношениями человека и культуры. Ее представители изучают культуры разных народов, их обычаи, обряды, ритуалы, традиции, быт, языки, особенности социализации личности и др. Объектом исследований культурной антропологии в период ее зарождения и становления являлись так называемые примитивные общества. В США это были племена индейцев.

Культурная антропология, будучи научной дисциплиной, оформилась в конце XIX – начале XX в., выделившись из этнографии. Основатели культурной антропологии считали, что объектом ее исследования должны быть не народы, как в этнографии, а культуры. Процессы выделения и формирования культурной антропологии связаны с американским антропологом и этнографом Францом Боасом (1858–1942) и его последователями. В наибольшей степени эта научная дисциплина получила развитие в Соединенных Штатах Америки, поэтому считается американской научной традицией [13].

Социальная антропология – это наука, изучающая взаимодействие человека и общества. На протяжении долгого времени объектом ее исследования считались такие же примитивные общества, как и в американской культурной антропологии. Только здесь это были не племена индейцев, а различные народы многочисленных британских колоний. При этом акцент делался не на культуре, а на социальной структуре этих обществ. Культура не исключалась из объектной и предметной области социальной антропологии, поскольку рассматривалась как аспект общественной жизни. Формирование социальной антропологии относится к концу XIX в. Наибольшее развитие она получила в Великобритании, поэтому считается британской научной традицией [1].

Как видно из приведенного краткого анализа, американская культурная антропология и британская социальная антропология являются очень близкими научными дисциплинами: у них общий объект исследования – современные первобытные общества. Много общих моментов имеется и в предметной области: представители того и другого направления обращают пристальное внимание на бытовые особенности изучаемых общностей, образ жизни, семейный уклад, воспитание детей, религиозные верования, обычаи, обряды и другие элементы культуры. Более того, они одинаково подходят к пониманию культуры, которая рассматривается как совокупность обычаев, обрядов, символов, норм, правил поведения, как образ жизни, присущий различным этническим и социальным общностям. То же самое можно сказать и о методологии и методах исследования, которые в значительной степени являются общими.

В России рассматриваемая область научных исследований носит название «этнология» (до недавнего времени – «этнография»). Акцент в понимании объектной и предметной областей этнологии делается на изучении этносов, народов, их зарождении, расселении, исторических судьбах и, конечно, их культуре. Российская этнология представляет собой развитую научную систему, имеющую свои организации и учреждения, подготовленные кадры, разработанную методологию и методику, богатейшую систему знаний и свои традиции. Становление социальной и культурной антропологии в России, начавшееся в 90-е гг. XX в., происходит при определенном соперничестве с этнологией [12].

1.2. Объект и предмет социальной антропологии

При изучении объекта антропологического знания необходимо иметь в виду, что в качестве такового обычно выступают локальные общности: отдельные поселения, племена, деревни, другие сообщества, характеризующиеся непосредственным межличностным взаимодействием.

Основные предметные области социальной антропологии:
биологические, психические, социальные механизмы порождения, поддержания, изменения создаваемых людьми объектов и технологий, помогающих им регулировать отношения с окружением;
способы поддержания и изменения искусственной жизненной среды в синхронном и диахронном измерениях;
процессы порождения и динамики знаковых систем;
способы формирования и поддержания внутрикультурной и межкультурной коммуникации;
предпосылки, формы и технологии трансляции, освоения и использования культурного опыта;
функциональные и динамические механизмы регулирования межличностных и межгрупповых отношений;
условия воспроизведения во времени специфических характеристик совместной жизни людей на уровне обществ и сообществ [11].

1.3. Объект и направление социально-антропологических исследований

Исследовательскими объектами культуры и социальной антропологии в настоящее время являются:

культурно-исторические регионы, поселения различных типов;
специализированные области культуры, исследование которых обусловило формирование таких субдисциплин, как экономическая, политическая, правовая антропология, антропология религии, антропологические направления в изучении науки, искусства, массовой культуры, образования;

социокультурные слои (например, антропологический анализ элит в обществе, «культура бедности»), группы (субкультуры), организации (корпоративные нравы, обычаи, кодексы поведения, ценности, предрассудки, мифология);

индивиды (культурно-антропологический анализ образа жизни людей, его изменений на протяжении жизненного цикла, внешней обусловленности физического и психического здоровья, отклоняющегося поведения, индивидуальных побуждений к изменениям и способов их реализации) [11].

Что касается принятых сегодня основ организации эмпирических данных и объяснения культурных фактов, динамики и многообразия культурных феноменов, то их можно свести к следующим доминирующим теоретическим направлениям:

эволюционная теория, где считается, что совокупности социокультурных феноменов различаются по степени упорядоченной сложности, а также возможно движение по этой шкале вверх и вниз;

культурный материализм – совокупности социокультурных форм различаются по их адаптационным преимуществам;

диффузионизм – совокупности сходных социокультурных феноменов имеют общий источник или связаны друг с другом через механизм заимствования;

функционализм – различные социокультурные образования в пределах одной группы являются взаимоподкрепляющими;

французская социология – совокупности социокультурных образований отличаются друг от друга внутренней последовательностью, гармоничностью, степенью взаимности;

британский социальный структурализм – сходные по внутренней структуре социокультурные явления могут быть внешне совершенно различны, а кажущиеся сходными феномены могут различаться в некотором существенном отношении, и один из них может быть детерминантой другого;

психологическая антропология – некоторые виды социокультурных феноменов представляют собой вариации на определенную тему (например, удовлетворение человеческих потребностей) или некоторое социальное измерение (например, социальная дифференциация);

французский структурализм – все человеческие феномены определенного типа детерминированы некоторым набором врожденных принципов (пределов), прямо не наблюдаемых в самих феноменах [12].

Таковы сегодня источники объяснительных принципов и моделей, которые могут быть использованы для интерпретации динамики и многообразия культурных феноменов различного масштаба и различной степени устойчивости во времени.

1.4. Взаимосвязь социальной антропологии с другими науками

Заслуживает внимания характеристика структуры антропологической науки, данная К. Клакхоном: «Обычным общим разделением антропологии является разделение на физическую и культурную. Физическая антропология включает в себя палеонтологию приматов (описание вымерших разновидностей человека и его ближайших животных родственников), эволюцию человека (процесс развития типов человека, начиная с его нечеловеческих предков), антропометрию (технику измерения человека), соматологию (описание живущих разновидностей человека, половых различий и индивидуальных физических различий), расовую антропологию (расовую классификацию человечества, расовую историю человека, смешения рас), сравнительное изучение роста и еще

конституциональную антропологию (изучение предрасположенности людей с разными типами тела к некоторым заболеваниям и типам поведения, например к преступному). Культурная антропология включает в себя археологию (изучение остатков прошлого), этнографию (чистое описание привычек и обычаев живущих народов), этнологию (сравнительное изучение прошлого и настоящего народов), фольклор (коллекционирование и анализ эпоса, музыки и повествований, сохраняемых устной традицией), *социальную антропологию (изучение социальных процессов и социальной структуры)*, лингвистику (изучение живых и мертвых языков) и изучение культуры и личности (отношение между отличительными типами жизни и характерной психологией). Прикладная антропология – это применяемые как в физической, так в социальной антропологии способы сбора и использования данных для разрешения современных социальных, политических и экономических проблем в таких сферах, как управление колониями, военное руководство и производственные отношения» [12, с. 25].

Взаимосвязь с физической антропологией

Социальная и культурная антропология тесно взаимодействует с физической. Общим для них является объект познания – человек, однако предметные области этих наук различны. Физическая антропология – это биологическая наука, изучающая происхождение и эволюцию человека, образование человеческих рас и физическое строение человеческого тела. Предмет данной дисциплины – физическая организация человека, ее изменчивость во времени и пространстве. Исследователи сосредоточивают свое внимание на изучении особенностей строения тела, индивидуальных и половых вариаций, общих закономерностей роста и развития человеческого организма, темпов развития и старения, типов конституции (телосложения) и способов их определения. Исследования ведутся с помощью объективных методов: антропометрии и биометрии, методов молекулярной биологии, генетики и медицины. Физическая антропология по многим признакам относится к естественным наукам, сохраняя при этом связи с социальным и гуманитарным знанием. Изучая телесную организацию человека и ее изменение, она не может обойтись без учета социокультурных факторов.

Социальная и культурная антропология, в отличие от физической, исследует не биологические, а культурные и социальные стороны человека. По своему содержанию, методологии и применяемым методам она относится к социально-гуманитарному знанию, однако при этом опирается на данные физической антропологии. Исследования в социокультурной и физической антропологии часто осуществляются одними и теми же учеными. При изучении примитивных обществ антропологи обычно сочетают физические измерения параметров людей с социокультурными исследованиями. «Как только специалист по физической антропологии, –

пишет Б. Малиновский, – признает, что "раса – это то, что она делает", ему придется принять и тот факт, что никакие измерения, классификации или описания антропологического типа не будут значимы, пока мы не сможем соотнести антропологический тип и культурное творчество этой расы. Современные антропологи все чаще обращаются к исследованию телесной организации человека, культуры человеческого тела» [12, с. 25].

Взаимосвязь с этнологией (этнографией)

Этнология (этнография) (этнология от греч. *ethnos* – племя, народ + *logos* – наука, учение; этнография от греч. *ethnos* + *grapho* – пишу) как отрасль научных знаний была изначально ориентирована на изучение:

материальной культуры, систем родства, жизнеобеспечения, воспитания, социальной и политической структуры различных народов;

проблем этногенеза, этничности и межкультурных контактов; расселения этносов, демографических процессов в них;

культурных черт (культурных изменений) того или иного народа и их сравнение. Современная этнология предоставляет этнографии концептуальный аппарат. Этнография же по своей сути – в большей мере описательная наука, и этнология является ее теорией. В то же время этнология (этнография) также исследует национальные традиции, привычки и вкусы, специфические особенности поведения и действий представителей различных этносов [7, с. 12].

В.И. Бажуков, Г.П. Отюцкий, Э.А. Орлова и другие авторы говорят о размывании этнографии и перетекании в социальную антропологию. «И в настоящее время российская этнография "официально" остается существовать как раздел исторического знания, что отражается в том числе и в классификационном списке наук для защиты диссертаций, где она фигурирует как "Специальность 07.00.07 Этнография, этнология и антропология", где разряд цифр "07.00" означает отрасль "Исторические науки и археология". Однако границы ее все больше и больше размываются, приближаясь к зарубежной практике, где, как уже указывалось, изучение народов мира является составной частью социальной (культурной) антропологии» [14, с. 21].

Близкими к исследованиям социальной антропологии являются такие отрасли науки, как этносоциология, этнопсихология и этнокультурология. Так, этносоциология (от греч. *ethnos* – племя, народ + лат. *societas* – общество + греч. *logos* – наука, учение) – научная дисциплина, сложившаяся на стыке социологии и этнографии, занимается изучением социальных явлений, происходящих в различных этнических общностях. Некоторые представители этой науки, как уже говорилось, считают, что она должна исследовать национальное сознание и самосознание, этнопсихологические особенности людей, проявляющиеся в национальных отношениях, межличностном социальном взаимодействии, общении и поведении, т.е. охватывать большую часть предмета

этнической психологии. На самом же деле очень часто представители этой науки не видят четкой грани между понятиями «социальное» и «психологическое» и не стремятся объяснить их социологическими и психологическими закономерностями, обычно смешивая их.

Этнокультурология (от греч. *ethnos* – племя, народ + лат. *cultura* – развитие + греч. *logos* – наука, учение) – отрасль культурологической науки, в которой влияние культурной среды считается определяющим фактором этнопсихологических характеристик народов. «Культура начинается с того, что на поведение людей накладываются ограничения, так как целостность культурной среды предполагает выработку единых правил поведения, наличие общей национальной памяти, единой картины мира у представителей одного этноса. В процессе исторического развития каждый народ создает собственную однородную систему культурных ценностей, которые используются его членами для выражения своего этнического сознания» [7, с. 16].

В научной среде подчеркивается и отличие социальной антропологии от культурной антропологии, хотя ряд исследователей небезосновательно соединяют в наименовании науки социальную и культурную антропологию [11, 12].

Культурная антропология (от лат. *cultura* – развитие + греч. *anthropos* – человек + *logos* – наука, учение) – отрасль науки, возникшая на стыке культурологии и этнографии (социальной антропологии); занимается изучением человека как представителя различных культур, национальных общностей. Культурная антропология исследует индивида как члена определенной этнической группы, рассматривая последнюю как часть целого – конкретной культуры, понимаемой как образ жизни, присущий тому или иному народу, обществу [7, с. 17].

Взаимосвязь с философской антропологией

Социальная и культурная антропология имеет тесные связи с антропологией философской. Общим объектом философской и социокультурной антропологии является человек, однако он изучается по-разному. Философская антропология исследует человека как особый род сущего, осмысливает проблемы человеческой природы и человеческого бытия. Вопросы, которые ставятся в философской антропологии, носят предельно общий характер: происхождение и сущность человека, особенности человеческого бытия, предназначение человека, смысл жизни, смерть и бессмертие, свобода воли и др. Социальная и культурная антропология изучает человека через его культуру или социальную структуру. Культура является важнейшим объектом и предметом ее анализа. «Социальная (культурная) антропология, – подчеркивает российский социолог Ф.И. Минюшев, – исследует вопросы взаимодействия человека с культурой, в рамках которой он существует и

действует. Иными словами, она изучает человека через призму его культуры» [12].

Основным методом философского познания человека является теоретический, умозрительный, спекулятивный метод, опирающийся на совокупный опыт человечества, на достижения всех наук и культуры в целом. Философская антропология имеет большое значение для развития антропологического знания в целом. Определенная философская концепция человека лежит в основе любой культурологической, психологической или социологической теории. В той же мере развитие этих научных дисциплин заставляет постоянно пересматривать общефилософские концепции человека.

Социальная и культурная антропология, как и философская антропология, стремится к обобщениям; одни антропологи делают это через познание законов и закономерностей явлений культуры (например, структурные функционалисты), а другие – через насыщенное описание и анализ смыслов (представители интерпретативной антропологии). Однако уровень обобщения в этих науках различный. Философия стремится к самым широким обобщениям, имеющим предельный характер. Главный вопрос философской антропологии: «Что есть человек?». Социальных и культурных антропологов интересуют более частные, конкретные вопросы: особенности человека индейских или африканских племен, специфика американского или японского национального характера и т.п.

Между социокультурной антропологией и философией имеются различия в применяемых методах исследования. Философы делают упор на кабинетной теоретической работе. Они, как правило, не проводят полевых исследований. Представители социальной и культурной антропологии с XIX и XX вв. обращают особое внимание на полевую работу. Одним из основных методов социальной и культурной антропологии является метод включенного наблюдения. Проводя полевые исследования, антропологи непосредственно участвуют в повседневной деятельности людей. Они наблюдают, как люди работают, отдыхают, едят, спорят, танцуют; слушают их беседы и постепенно начинают жить так же, как они, и понимают жизнь с их точки зрения. Известный американский антрополог М. Мид (1901–1978) отмечает, что задача этнографа – научиться достаточно четко понимать чужой язык и говорить на нем, понять тысячи действий, слов, взглядов, пауз, входящих в еще неизвестную систему, и, наконец, охватить структуру всей культуры [12, с. 16].

Взаимосвязь с социологией

Социальная антропология и социология тесно связаны. У них общие философско-методологические предпосылки. Они зародились на основе философии позитивизма, разработанной О. Контом. Общими являются также некоторые важные для обеих наук теоретические концепции, к

числу которых можно отнести функциональную теорию Б. Малиновского, структурный функционализм А.Р. Рэдклифф-Брауна, теоретическую концепцию Э. Дюркгейма.

Социальная антропология, будучи одним из основных направлений социокультурной антропологии, и социология имеют общий объект исследования – взаимодействие культуры и общества. Однако в своих акцентах они различны. Антропология исследует в первую очередь культурное измерение социальной жизни, а социология – проблемы социального взаимодействия и социальной организации. Американский социолог Т. Парсонс (1902–1979) отмечает, что круг интересов антропологии «включает в себя аналитическое изучение явлений культуры, структурированных символически значимых систем, в которых и посредством которых ориентируются и направляются социальные системы и личности, ... тогда как внимание социологии сосредоточено на социальной системе как таковой, т.е. на системе процессов и отношений, образуемой взаимодействием множества ... отдельных людей» [1]. Человеческие общности и группы, их формы жизни изучаются в антропологии с точки зрения культурного измерения или контекста – ценностей, норм, символов, а в социологии – с точки зрения их социальной организации.

Социальная антропология и социология различаются по способам изучения социальной организации и культуры. Социология характеризуется в основном макросоциальным подходом. Антропологический подход микросоциален: здесь внимание сосредотачивается на изучении малых сообществ. Социальная антропология делает акценты на изучении общинных или общностных отношений (племени, этноса, сельской или городской общины, семьи, дружеского сообщества), а социология – на изучении социальных институтов, общественных движений и т.д.

Антропология занимается преимущественно исследованием обыденного уровня культуры (вещей, идей, образов, ценностей, складывающихся в ходе непосредственного взаимодействия людей), а в социологии особое внимание уделяется изучению специализированных областей культуры. Антропология изучает преимущественно бессознательные элементы культуры. Повышенный интерес уделяется социальным мифам и верованиям, ритуалам и обычаям, шаманству и магии, отношениям родства и регуляции браков. Социология обращает внимание преимущественно на сознательные элементы культуры.

Методы исследования, применяемые социологами и антропологами, имеют много общего. Те и другие используют наблюдение, эксперимент, опрос, анализ документов. В то же время социологи чаще работают с количественными методами, а антропологи – с качественными. Существуют различия в способах организации и проведения полевых

исследований. Антрополог чаще, чем социолог, проводит сравнительные, кросскультурные исследования, использует метод case studies.

Особенностью антропологического подхода является взгляд с точки зрения изучаемой культуры. Если социолог рассматривает собственное общество, описывая и объясняя его в собственных логических категориях, то антрополог ставит перед собой задачу понять точку зрения наблюдаемого в системе его значений. Известный французский антрополог К. Леви-Стросс (1908–2009) подчеркивает: «По мере того как социология прилагает усилия к тому, чтобы создать социальную науку об обществе с точки зрения наблюдателя, антропология пытается разработать науку с точки зрения наблюдаемого» [1].

В качестве примера можно привести исследовательскую деятельность американского антрополога Р. Бенедикт (1887–1948), которая в годы Второй мировой войны занималась изучением Японии и японской культуры. В своей книге «Хризантема и меч» она отмечает, что в военное время легко огульно осуждать противника, но значительно сложнее разобраться в мировоззрении врага, взглянув на жизнь его глазами.

Проводя исследование, Р. Бенедикт пришла, например, к выводу, что американцы и японцы коренным образом отличаются друг от друга в своем отношении к плену. Она пишет, что любая западная армия, предприняв все возможные действия и не имея шансов на победу, сдается врагу. Ее солдаты все равно считают себя честными воинами. Они не опозорены ни как солдаты, ни как граждане, ни как члены своих семей. Но японцы такого рода ситуацию определяли иначе. Честь заставляла их бороться до смерти. В безнадежном положении японский солдат должен был последней ручной гранатой покончить с собой или идти вместе с другими без оружия в самоубийственную атаку на врага. Но в плен сдаваться нельзя. Даже если солдат оказался в плену, потому что был ранен или находился в бессознательном состоянии, ему «нельзя было снова показаться в Японии»: он был опозорен, он был «мертв» для своей прежней жизни.

Близость социальной антропологии и социологии отмечали известные представители антропологического знания. Дж.Дж. Фрэзер (1854–1941) подчеркивал, что социальная антропология как наука, изучающая человека в обществе, в некоторой степени совпадает с наукой, получившей название социологии. Он понимал социальную антропологию как социологическое изучение «примитивных» форм общества.

Близкую позицию занимал и А.Р. Рэдклифф-Браун, который считал социальную антропологию частью «сравнительной социологии», занимающейся систематическим изучением и сравнением разных форм общества.

Современные российские ученые также отмечают общие черты социологии и социальной антропологии. Так, Ю.И. Семенов, подвергая

критике концепцию социальной и культурной антропологии, считает, что зарубежные социальные антропологи, исследующие современное общество, неминуемо превращаются в социологов. С такой позицией трудно согласиться. Несмотря на наличие ряда общих черт социологии и социальной антропологии, они все же не совпадают; между ними имеются существенные различия, анализ которых имеет большое значение для практики исследовательской работы. Антропологический подход характеризуется преимущественно микроуровнем исследования, вниманием к жизненному и обыденному миру культуры, взглядом с точки зрения наблюдаемых и преобладанием качественных методов. Для социологического подхода типичными являются макроуровень исследований, изучение культуры и социальной структуры с точки зрения наблюдателя, преобладание количественных методов, интерес к системному миру и др. Указанные различия имеют методологическое значение для проведения антропологических исследований [1, с. 270].

1.5. Специфика социальной антропологии, ее принципы и функции

Современные исследователи определяют социальную антропологию как молодую отрасль научного знания. Предметное поле социальной антропологии включает в себя изучение закономерностей и механизмов взаимодействия индивидов с их социальным и природным окружением в условиях конкретной социокультурной среды. Социальная антропология призвана дать ответы на актуальные вопросы, связанные с пониманием происхождения человека, его сущностных черт, специфики общественного бытия, своеобразия культуры. Несомненно, основной целью социальной антропологии является рассмотрение человека во всем комплексе и многообразии его биологических, социальных и культурных связей.

Социальной антропологии присущ ряд черт, которые определяют ее своеобразие. Она имеет очень широкий временной диапазон исследования человеческого рода, разнообразную тематическую гамму. Ей присуща глобальность, так как доступны все культуры и все страны во все исторические эпохи. Она систематизирует знания о человеке и охватывает все стороны жизни человека и общества; рассматривает человека в его относительной автономности (выражением автономности являются свобода воли человека, его ответственность, способность воздействовать на ход развития событий в природе и обществе); изучает явления самопостижения человека (при этом требуется сочетание всех познавательных форм – обыденно-практической, научной, эстетической, религиозной, философской); исследует обращенность к реальности, конкретной жизни, а также компаративность, т.е. использование сравнительного анализа социальных систем и культур.

Современная социальная антропология выполняет ряд функций, которые в совокупности определяют ее теоретическую и практическую значимость. К важнейшим функциям социальной антропологии относятся познавательная, нравственная, интегративная, гуманистическая, сравнительно-культурная, практическая.

Специфику современной социальной антропологии в значительной степени определяют ее принципы, на которых базируются теоретико-методологические положения и конкретные исследования.

1. Принцип антропоцентризма означает, что существование человека в современном мире рассматривается как центральная проблема социального познания.

2. Феноменологический принцип обращен к анализу целостных явлений, связанных с жизнедеятельностью людей.

3. Инвайронментальный принцип используется при описании и объяснении взаимоотношений человека и окружающей его среды.

4. Принцип трансакции – изучение взаимодействий и коммуникаций между людьми, их взаимовлияния.

5. Принцип универсализма – принцип единства человеческого рода. Он означает сравнение, соотнесение конкретных проявлений жизнедеятельности людей с общими стандартными категориями.

6. Принцип партикуляризма – рассмотрение людей, элементов окружения, событий в качестве уникальных, специфических, ситуативных.

7. Инкультурация – принцип освоения человеком традиционных способов мышления и действий, характерных для определенной культуры, приобретение навыков приобщения к жизненной среде.

8. Социокультурная адаптация – принцип взаимодействия человека с окружением, в ходе которого человек приспосабливается к внешней среде. Социокультурную адаптацию можно рассматривать как практическую часть инкультурации.

9. Принцип свободы – выявление механизмов влияния общества на личность.

К основным предметным областям современной социальной антропологии относятся:

1) антропогенез, т.е. происхождение и развитие человека, изучаемого в биологическом, психическом и социокультурном отношениях;

2) антропосоциогенез, т.е. процесс становления человека из биологического существа в социальное и культурное. Антропогенез включает в себя два взаимосвязанных процесса: формирование человека и развитие общества;

3) целостная природа человека, его поведение, познание, воля;

4) свобода человека, а также проявления свободы: игра, творчество, риск, поиск смысла жизни;

- 5) биологические, психические, социальные механизмы функционирования созданных людьми объектов и технологий;
- 6) способы поддержания и изменения искусственной жизненной среды;
- 7) формирование и поддержание внутрикультурных и межкультурных связей, трансляция культурного опыта;
- 8) механизмы регулирования межличностных и межгрупповых отношений;
- 9) специфические характеристики совместной жизни людей на уровне обществ и сообществ;
- 10) процессы порождения и динамики знаковых систем.

Современная социальная антропология опирается на ряд научных парадигм, позволяющих исследовать человеческое бытие в единстве составляющих его компонентов. К основным парадигмам, применяемым социальной антропологией, относятся диалектическая, структурно-функциональная, структуралистская, феноменологическая, инвайронментальная.

Диалектическая парадигма состоит в признании постоянного становления и развития явлений мира, сфер человеческой деятельности, самодвижения на основе внутренних противоречий.

Структурно-функциональная парадигма заключается в понимании того, что общество, социальные общности и процессы представляют собой целостную структуру, элементы которой взаимопроникают и поддерживают друг друга.

Структуралистская парадигма заключается в выявлении системы внешних связей изучаемого объекта, реконструкции его собственной внутренней структуры.

Феноменологическая парадигма применяется для описания целостности и единства социальных явлений. С ее помощью преодолеваются границы между внешним обликом и внутренней сущностью различных состояний и явлений, происходит гармонизация формы и содержания.

Инвайронментальная парадигма используется при описании и объяснении взаимоотношений человека и окружающей среды.

Раскрывая специфику современной социальной антропологии, следует остановиться на вопросе о соотношении понятий «социальная антропология» и «культурная антропология». В научных исследованиях существуют определенные разногласия: одни специалисты утверждают, что это разные дисциплины, другие стремятся объединить их. Разграничить социальную и культурную антропологию действительно трудно, поскольку предметное поле и культурной, и социальной антропологии имеет множество общих проблем и признаков: связь человека и культуры, культурные институты, традиции, обычаи, социализация

индивида в разных культурах и т.д. В настоящее время ведущим, но не единственным научным подходом является рассмотрение социальной и культурной антропологии в качестве одной дисциплины [9].

Социальная антропология выполняет ряд функций:

1. Гносеологическую (познавательную). Применительно к изучаемой учебной дисциплине проявляется в том новом теоретическом знании, которое становится достоянием общества в результате исследований социокультурной антропологии. Многие авторы культурно-антропологических теорий и концепций претендовали (и претендуют) на точную реконструкцию историко-культурной реальности. Однако результаты теоретического построения не следует непосредственно отождествлять с тем, «что было на самом деле». Как правило, эти теоретические конструкции можно расценивать как концептуальные модели, как идеализированные схемы, служащие точкой отсчета для упорядочения эмпирического материала. Чаще всего каждая из них отражает лишь одну из сторон той или иной конкретной культуры, поэтому должна быть дополнена другими концептуальными моделями: структурная модель – функциональной, историческая – логической, диффузная – эволюционистской и др.

2. Методологическую функцию учебной дисциплины (и соответствующей сферы теоретического знания). Выступает одной из наиболее важных. Ее значение проявляется в первую очередь в том, что осмысление собственных методологических оснований помогает каждой науке точнее осмыслить свой предмет, свое место в общей системе научного знания, более определенно очертить предметное поле исследования, конкретизировать межнаучные взаимосвязи, выявить специфический методологический аппарат. Для социокультурной антропологии такое осмысление оказывается особенно важным, поскольку сам объект и предмет этой науки изменяются в зависимости от этапов развития науки и конкретных условий тех стран, в которых развиваются ведущие научные школы.

3. Историко-кумулятивную. Проявляется в процессе накопления (аккумуляции), закрепления конкретного познавательного исторического опыта, осмысления тенденций развития конкретной науки. Рассмотрение истории социокультурной антропологии помогает осмыслить становление методологических подходов, категориального аппарата науки, ее теоретических концепций в их связи с конкретной социально-исторической и научно-теоретической ситуацией.

В англоязычных странах наука о народах развивалась как составная часть антропологии благодаря колонизации и возросшему в связи с этим вниманию к демографическим и расовым процессам. Уже к середине XIX в. многочисленные находки и исследования черепов и скелетов неандертальцев легли в основу задачи реконструкции истории

человечества и культуры. Ответом на возникшую проблему и явилось новое направление исследований – социальная антропология. В научный оборот это название в 1906 г. ввел один из основателей английской этнологии Дж.Дж. Фрэзер. Этим термином он определил свое направление этнологических исследований и его отличие от направления, которым занимался Э. Тайлор и которое уже тогда называли культурной антропологией.

Еще один пример касается специфики развития антропологических знаний в США. По причине этнического своеобразия этой страны и острой проблемы расовых отношений американская антропология изначально формировалась как наука, занимавшаяся исследованиями в области физической антропологии, расовых и культурных различий. Это направление развития американской этнологии было задано ее основоположником Л.Г. Морганом.

4. Функцию экспликации (выявления) универсалий. Тесно связана с предыдущей и выступает как процесс объяснения, закрепления и развития содержания общенаучных понятий, которые становятся универсальными для сферы антропологии, культурологии, гуманитарного знания.

5. Аксиологическую (оценочную). Реализуется в различных проявлениях. С позиций исторического опыта оказывается возможным более объективно осмыслить ценность и значение, как теоретическое, так и практическое, тех или иных концепций и подходов, разработанных в системе культурно-антропологического знания. Создаются условия выявления современного значения работ классиков культурной антропологии и этнологии, а также критериев оценки современных исследований в этой области.

С вершины сегодняшнего исторического опыта становятся более очевидными достоинства конкретных научных направлений, например эволюционизма или понимающей антропологии. На основе подобных оценок сформировалось направление неэволюционизма. Вместе с тем исторический опыт использования научного знания выявляет и известную ограниченность, неполноту тех или иных теоретических конструкций. Становится ясным, в частности, что принцип функционализма чрезвычайно обогатил социальную антропологию (и этнологию), способствовал расширению и обобщению эмпирических знаний о культуре других народов. Односторонность же его проявилась в том, что за пределами рассмотрения осталась социальная и культурная эволюция. За пристальным рассмотрением отдельных народов культурантропологический анализ не смог увидеть человечество в целом.

Еще одна сторона рассматриваемой функции заключается в критической оценке функций самой социокультурной антропологии. Так, прикладная функция этой науки может носить различную социально-идеологическую окраску, в том числе и реакционную. А.А. Никишенков

отмечает, в частности, что в 1939–1945 гг. работа американских антропологов «сводилась преимущественно к созданию особых средств пропаганды – отталкивающих и бесчеловечных "образов врага" на основе "научной" обработки обычаев и других элементов культуры "народов-противников"» [12].

6. Коммуникативную. Важна для профессионального становления будущих специалистов-гуманитариев. В частности, она обеспечивает плодотворность коммуникаций внутри научного сообщества, помогает формированию вербальных средств межнаучного общения, способствует осмыслению, закреплению и развитию общего языка научного общения этнографов (этнологов), антропологов, культурологов, социологов, специалистов в других сферах гуманитарного знания.

7. Профессионально-творческую. Дает возможность осмыслить профессиональное призвание будущего специалиста, уяснить развитие требований к личностным профессиональным качествам специалиста-гуманитария. Через показ истории науки, через выявление той роли, которую сыграли в ее становлении и развитии конкретные исследователи, в том числе отечественные ученые, через выявление роли и значения социокультурной антропологии в жизни общества учебная дисциплина содействует творческому формированию личности гуманитария, его патриотических и гражданских качеств [12, с. 28].

1.6. Социоантропологический подход в науке

Социоантропологический подход широко применяется в различных науках. Его методологические основания складывались в междисциплинарных областях, лежащих на стыке гуманитарных и естественных, а также технических наук. Спецификой социоантропологического подхода является акцентирование роли человека в современном мире. Мир, выступающий объектом преобразования и познания, рассматривается как человекоразмерный. Понятие человека выступает важнейшей методологической категорией, входящей в научную картину мира и научно-исследовательские программы наук. На основе понятия «человек» проектируются сценарии эксперимента, выбираются методы исследования, строятся модели объяснения, доказательства и интерпретации [2].

Социоантропологический подход нацелен на преодоление односторонности научного исследования. Человек как субъект деятельности одновременно входит во множество систем и подсистем, и его поведение может быть описано на основе множества векторов детерминации. При объяснении поведения человека на основе социоантропологического подхода необходимо учитывать следующие принципы и положения:

- 1) бытийные основания, деятельность являются базовыми категориями для интерпретации ментальных феноменов;
- 2) формирование сознания включено в исторически изменчивую культуру;
- 3) линии онтогенетического развития отражаются на стадиях социализации;
- 4) принцип единства объективного, материального и духовного описывает как общественную практику человека, так и его индивидуальную деятельность [10].

Контрольные вопросы и задания

1. Каковы особенности предметного поля социокультурной антропологии?
2. Охарактеризуйте объект изучаемой дисциплины.
3. Каковы точки зрения на различия между социальной антропологией и культурной антропологией?
4. Каковы истоки и смысл понятий «этнология» и «этнография»?
5. Каков предмет социальной антропологии? Представьте основные точки зрения по этому вопросу.
6. Охарактеризуйте основные функции социальной антропологии.

Глава 2. Факторы формирования и этапы развития социальной антропологии

2.1. Факторы формирования социальной антропологии

К числу ведущих факторов, которые способствовали зарождению и формированию социальной антропологии, следует отнести:

- политическую, экономическую и колониальную экспансию европейских государств в Новое время;
- развитие путешествий, международной торговли, активную миссионерскую деятельность христианской церкви;
- философские учения французских, немецких и шотландских философов XVIII–XIX вв. о культуре, общественном прогрессе и стадиях развития человеческого общества [12];
- позитивистскую философию О. Конта;
- этнографические данные из различных источников;
- эволюционное учение Ч. Дарвина и др. [1].

2.2. Периодизация становления и развития социальной антропологии

I. Этнографический этап (1800–1860-е гг.).

На данном этапе происходило зарождение социальной и культурной антропологии как особой области научных знаний. По своей сути он заключался в сборе этнографических данных о различных народах мира и их культурах. Этнографические данные поступали из различных источников: от колониальных администраторов, путешественников, торговцев, миссионеров. Большой вклад в становление социальной и культурной антропологии внесли географы и археологи.

II. Эволюционистский этап (1860-е гг. – середина 1890-х гг.).

Этап связан с распространением эволюционных взглядов, использованием идеи развития в отношении понимания культуры и общества. Идея эволюции (развития), разработанная в учении Ч. Дарвина, стала распространяться и на социокультурную сферу. Крупнейшие представители эволюционизма: Э. Тайлор, Л. Морган, М.М. Ковалевский, Н.Н. Миклухо-Маклай.

III. Исторический этап (середина 1890-х – середина 1920-х гг.).

Данный этап характеризует критика эволюционизма. Наиболее яркий критик – американский антрополог Ф. Боас. Подвергая критике сравнительный метод, Боас предлагал свой собственный (исторический). Суть этого метода он видел в детальном изучении обычаев в контексте всей культуры практикующего их племени с учетом их географического распространения у соседних племен. Сильные стороны метода Боас видел в том, что его применение может дать тройкий результат:

- 1) метод выявит внешнюю среду, сформировавшую или видоизменившую элементы культуры;
- 2) вскроет психологические факторы, определившие ее облик;
- 3) установит степень влияния исторических связей.

Свой метод ученый считал куда более плодотворным, чем обобщения сравнительного метода. Боас выступал против преувеличения влияния географических условий на культуру. Он отмечал большое значение культурной диффузии для объяснения наличия одинаковых элементов культуры у разных народов. Подчеркивая роль этого фактора, Боас писал: «Смешанные браки, войны, рабство, торговля создавали множество каналов для проникновения элементов чужой культуры, так что культурная ассимиляция могла совершаться на обширнейших пространствах» [12].

IV. Психологический этап (с конца 1920-х до 1950-х гг.).

Сущность этапа заключалась в применении психологического подхода к изучению культуры. Основателями направления считаются немецкие ученые М. Лацарус (1824–1903) и Х. Штейнталь (1823–1899), занимавшиеся изучением психологии народов (исследованием

психологической сущности народного духа, выявлением законов духовной деятельности и причин развития и исчезновения народов). Можно сказать, что с их деятельности начинается исследование национального характера. Становление психологической антропологии и ее бурное развитие связаны со школой «Культура и личность», которую представляли американские антропологи Р. Бенедикт и М. Мид. В рамках этого направления были изучены различные аспекты социализации и инкультурации личности в условиях различных культур, проблемы национального характера, а также разработана специфическая концепция культуры. Большое внимание уделялось изучению особенностей мышления в различных культурах, измененных состояний сознания, национального менталитета и др. Культура понимается здесь как определенная модель мышления и поведения, присущая социальной общности или группе, а также как образ жизни.

V. Структурно-функционалистский этап (1930–1950-е гг.).

Этап связан с применением принципов структурно-функционального анализа в отношении изучения культуры. Суть анализа заключается в системном, функциональном и структурном подходах к исследованию явлений общества и культуры. В рамках данного подхода общество и культура рассматриваются как целостные, системные образования, состоящие из взаимосвязанных элементов. Каждый элемент этих образований рассматривается в качестве системной единицы, выполняющей определенную функцию по отношению к общей системе. Кроме того, большое внимание уделяется структуре общества и культуры и выявлению зависимостей между элементами. Старые подходы, в частности эволюционистский, были подвергнуты критике и отброшены. Центральное место в рамках данного этапа занимают функционализм Б. Малиновского и структурный функционализм А.Р. Рэдклифф-Брауна. В учениях этих антропологов были разработаны понятия социальной системы, социальной структуры, социального института и др. Культура рассматривалась как инструментальный аппарат, способствующий удовлетворению потребностей человека. В состав культуры включались такие социальные институты, как семья, клан, локальное сообщество, образование, социальный контроль, экономика, система знаний, верований и морали (Б. Малиновский). В настоящее время в мировой практике структурно-функциональный анализ подвергается критике, однако в российской науке он широко используется как методология проведения исследований в философии, социологии, культурологии и других дисциплинах.

VI. Неэволюционистский этап (1950–1980-е гг.).

Этот этап связан с возрождением идей эволюционизма. Его сторонники стремились преодолеть недостатки и устранить противоречия классического эволюционизма. Вместо учения об однолинейном развитии

общества и культуры они разработали несколько теорий эволюции, теорию многолинейного развития общества и культуры. В исследованиях неозволюционистов история человеческого общества выступает как сумма многолинейно развивающихся замкнутых систем. Эта многолинейность трактуется как результат приспособления человека к различным экологическим средам. Идеи неозволюционизма получили наибольшее распространение в США, в частности в работах Л.А. Уайта (1900–1975). Он определял культуру как класс предметов и явлений, зависящий от способности человека к символизации. Символизация означает придание смысла, значения.

VII. Постструктуралистский этап (1980-е гг. – настоящее время). Постструктурализм означает некоторое состояние, наступившее после структурализма. Он характеризуется:

- отрицанием структуралистского подхода;
- вниманием к субъективности человека, индивидуальным особенностям психики;
- вниманием к власти и ее проявлениям в культуре;
- вниманием к тексту и контексту;
- новым отношением к знаку (знак не означает ничего, кроме себя);
- противопоставлением культуры метафизике и науке.

Постструктурализм неразрывно связан с постмодернизмом, который представляет собой теоретическую концепцию, необходимую для адекватного осмысления появляющихся новаций в обществе и культуре. В противоположность модернизму, постмодернизм характеризуется следующими признаками: отказом от построения единой системы культурных норм в пользу множества частных нормативных систем; приоритетом не науки, а других дискурсов, прежде всего искусства; признанием вместо согласия и порядка различий, разногласий, противостояний и др. Наиболее известными представителями постмодернизма являются Р. Барт, М. Фуко, Ж. Лакан и др. [12].

2.3. Основные проблемы современной социальной антропологии

Современная социальная антропология опирается на ряд теорий:

- культурных кругов (Л. Фробениус, Ф. Гребнер);
- культурных миграций (О. Менгин);
- функционализма (А.Р. Рэдклифф-Браун, Б. Малиновский, Т. Парсонс, Р. Мертон);
- эволюционизма (Л. Уайт, Д. Аберле, Р. Адамс);

компаративистики (И. Гердер, Д. Денлоп, Д. Бенфей, В. Фридерих, Д. Мэлон);
структурализма (К. Леви-Стросс, М. Фуко, Р. Барт, Л. Гольдман).

Каждая из перечисленных теорий представляет собой специфический взгляд на социальные проблемы, раскрывает их в соответствии с обоснованным подходом и методологией анализа. В соответствии с теорией культурных кругов в определенных географических районах наблюдается сочетание признаков, характеризующих материальную и духовную культуру. В результате появляются культурные провинции, или круги. Главная проблема данной теории – поиск исходных центров происхождения народов и культур. Смысл теории культурных миграций состоит в том, что культурные явления, возникнув однажды, многократно перемещаются. Этим объясняются сходство культур и близость их отдельных элементов.

Функционализм – это совокупность теоретических представлений о культуре как системе взаимосвязанных элементов.

Эволюционизм объясняет развитие культуры и общества внутренними свойствами и законами роста в соответствии с этапами общей эволюции в природе.

В компаративистике утверждается необходимость сравнительных исторических и культурных исследований.

В рамках структурализма изучается структура как относительно устойчивая совокупность отношений в любой сфере общественной и природной жизни; признается примат отношений над элементами в той или иной системе.

В рамках социальной антропологии сформировались научные школы: антропологическая (Э. Тэйлор, А. Ланг, Дж. Фрейзер, Н. Сумцов, А. Кирпичников, А. Веселовский); культурно-историческая (Ф. Боас, К. Уисслер, Р. Лоуи, Ф. Ратцель, Ф. Гребнер, Л. Фробениус); расово-антропологическая (Ж. Гобино, Ж. Лапуж, О. Аммон, Ф. Гальтон, К. Пирсон); школа «Анналов», или «Новая историческая школа» (Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф); культурно-эволюционная (Л. Уайт, Д. Аберле, Р. Адамс, Р. Андерсон).

В центре внимания ученых антропологической школы – вопросы единства материальной и духовной культуры человечества и теория самозарождения сюжетов, согласно которой каждый народ самостоятельно создает собственную культуру, обогащая культуру человечества. В рамках культурно-исторической школы разработаны теория культурных миграций (или культурного диффузионизма) и теория культурных кругов.

Представители расово-антропологической школы считали расовый фактор решающим для культурного развития народов. Для школы «Анналов» характерен отход от описательного подхода в сторону анализа социальных явлений. Главная задача культурно-эволюционной школы – изучение закономерностей, тенденций и этапов развития культуры. Таким образом, современная социальная антропология располагает сформированным научно-теоретическим и методологическим ресурсным материалом, что, безусловно, позволяет ей осуществлять общественно необходимые исследования и отвечать на актуальные вопросы, стоящие перед человечеством [9].

Контрольные вопросы и задания

Подготовьте доклад-презентацию по одной из концепций социальной антропологии:

1. Эволюционизм в социальной антропологии (А. Бастиан, Т. Вайц, Дж. Мак-Леннан, Э. Тайлор, Г. Спенсер, Л. Морган).
2. Диффузионизм в социальной антропологии (Ф. Ратцель, Л. Фробениус, Ф. Гребнер, К. Уисслер, У. Риверс, Г. Эллиот-Смит, У. Перри).
3. Французская социологическая школа в антропологии (О. Конт, Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль).
4. Культурно-историческая школа в антропологии (социологически ориентированная эстетика Ипполита Тэна, Американская школа исторической этнологии, Ф. Боас, А. Кребер).
5. Биологизаторское и психологическое направления (Ж.А. Гобино, Ж.В. де Ляпуж, О. Аммон).
6. Психоаналитические концепции культур (З. Фрейд, Г. Рохейм, К.Г. Юнг).
7. Функционализм и структурализм в культурной антропологии (Б. Малиновский, А.Р. Рэдклифф-Браун).
8. Символический интеракционизм (Л. Уайт).
9. Когнитивная антропология.
10. Культурный релятивизм в антропологии (М. Херсковиц).
11. Постмодернизм в социальной (культурной) антропологии (Ж. Деррида, Ж. Делез, Ф. Гваттари).

Используйте примерный план для анализа концепций:

- 1) предпосылки возникновения и формирования концепции;
- 2) этапы становления и развития;
- 3) основные идеи и характеристики;
- 4) ведущие направления;
- 5) критика;
- 6) значение.

Глава 3. Основные вопросы социальной антропологии

3.1. Основные понятия социальной антропологии: культура и социальная структура

Важное место в социальной антропологии занимают понятия «культура» и «социальная структура». Б. Малиновский, один из основателей социальной антропологии, подчеркивал центральное положение культуры в системе антропологических наук. «Культура, – отмечал исследователь, – это единое целое, состоящее частью из автономных, а частью из согласованных между собой институтов. Она объединяет в себе ряд моментов, таких как общность крови, смежность среды обитания, связанная с совместной деятельностью, специализация этой деятельности и не в последнюю очередь – использование власти в политических целях. Каждая культура обязана своей целостностью и самодостаточностью тому факту, что она служит удовлетворению всего спектра базовых, инструментальных и интегративных потребностей» [12].

Представители социальной антропологии признают общественный характер культуры, отделяют ее от тех или иных индивидуальных привычек, манер поведения или обычаев, присущих отдельной личности. Элементами культуры признаются только те, которые приняты в обществе, имеют распространение и оказывают влияние на индивида. Кроме того, признается связь культуры с определенным обществом, общностью, социальной группой. Подчеркивается, что своими особенностями культуры (языком, обычаями, ритуалами, ценностями, верованиями и т.п.) характеризуются различные этнические общности, социальные и профессиональные группы, социальные организации и институты.

Специфической чертой социальной антропологии является большое внимание к социальной системе и социальной структуре. А.Р. Рэдклифф-Браун рассматривал все виды объективной реальности как системы, свойства и качества которых определяются составляющими их элементами и отношениями между ними. Элементами социальной системы у исследователя выступали человеческие существа и отношения между ними (социальные). Кроме того, он выделял в социальной системе социальную структуру; общую совокупность социальных обычаев; специфический образ мыслей и чувств, связанных с социальными обычаями. Социальная структура определялась им как сложная сеть реально существующих социальных отношений. В это понятие включался обширный круг явлений: во-первых, все социальные отношения между двумя отдельными лицами, а во-вторых, дифференциация индивидов по их социальным ролям. Задачу социального антрополога Рэдклифф-Браун видел в том, чтобы

непосредственно наблюдать социальные отношения, составляющие социальную структуру. Изучение такой структуры признавалось ученым наиболее фундаментальной частью социальной антропологии [1].

3.2. Элементы социальной дифференциации жизненного мира социума

Социальная дифференциация жизненного мира социума исследуется по следующим критериям: социально-территориальной структуре; социально-возрастной; социально-имущественной, патриархальной; статусно-клановой; неформальной (социально-психологической); культурно-жизненной; социально-этнической; социально-воспроизводственной и демографической; ценностно ориентированной; этнокультурной идентичности [13].

Можно выделить более обширную дифференциацию жизненного мира и уровни социальной дифференциации гражданского общества.

Социальная стратификация системного мира включает:

1) по разделению сфер труда – региональную социально-профессиональную структуру (это, например, сельскохозяйственные или промышленные работники);

2) по временным рамкам хозяйственной деятельности – социальную структуру, связанную с сезонным характером производства или услуг (например, сезонные работники в сельском хозяйстве, рыболовстве и пр.);

3) по уровню доходов и отношению к собственности – социально-экономическую структуру (классы, группы владельцев и пользователей, арендаторов);

4) по объему власти – социально-политическую структуру (господствующие классы, группы управляющих и управляемых) и др. [12].

Для социальной антропологии особый интерес представляют теоретические положения о социальной дифференциации жизненного мира социума. Все элементы этой дифференциации могут рассматриваться как предметная область социальной антропологии.

Социальную дифференциацию жизненного мира социума образуют элементы по критериям:

«общность географических и жизненных условий» – социально-территориальная структура (сельские и городские общности, поселения);

«возрастные различия, различия по периодам или циклам жизни» – социально-возрастная структура (возрастные группы, поколения, группы, выделяемые по циклам жизни, и пр.);

«уровень жизнеобеспечения и объем личного имущества» – социально-имущественная структура (богатые (или имущие), средние (или состоятельные), бедные (или неимущие) слои);

«уровень традиционного господства» – патриархальная структура (автономные группы старейшин, патриархов рода и группы зависимых членов рода, семейного клана, различие между которыми обусловлено прежде всего личными связями и силой традиций);

«воспроизводство социальной ниши и поддержание групповой принадлежности» – статусно-клановая структура (организованные на основе традиций, авторитета, личных контактов статусные группы, внутриродовые объединения – касты, кланы);

«социально-психологическая близость и совместимость людей» – неформальная социально-психологическая структура (совокупность групп, созданных на основе устойчивых межличностных отношений и имеющих общие социально-психологические черты – взгляды, предпочтения и др.);

«культурные программы деятельности (социокультурная идентичность)» – культурно-жизненная структура (группы, различающиеся между собой по культурным стилям жизни, например хиппи и яппи);

«этнокультурная идентичность (общность языка, психологии и культурных кодов)» – социально-этническая структура (этноты, этнические группы и объединения, характеризующиеся особыми культурными порядками);

«воспроизводство естественных качеств субъектов» – социально-воспроизводственная и демографическая структуры (семейные и кровнородственные объединения, осуществляющие функции деторождения);

«преобладание ценностной регуляции» – ценностно ориентированная структура (группы, выделяемые посредством выявления общих ценностей или ценностных критериев – нравственных принципов) [12].

3.3. Стратификация и культура. Культурно-речевая стратификация

Ученые давно обнаружили тесную взаимосвязь, существующую между социальным положением человека и его культурой, будь то манера говорить, одеваться или проводить досуг. Высшие классы больше увлекаются элитарной культурой, а низшие – массовой. Женщины и мужчины предпочитают разные виды досуга. Хотя различие между двумя полами относится не к стратификации, а к социальной дифференциации, само понятие стратификации в связи с культурой следует понимать много шире – как различие форм культуры в зависимости от занимаемого статуса. Именно социальный статус задает стиль досуга личности, направленность ее культурных интересов, общения, этикета, информационных устремлений, эстетических вкусов, моды, имиджа, бытовых обрядов и

ритуалов, предрассудков, образов престижности, представлений о собственном достоинстве, общемировоззренческих установок и т.д.

Социальная стратификация и классовая позиция индивида определяются по совокупности таких показателей, как доход, престиж, профессия и образование. Досуговая активность может коррелировать с одним-тремя показателями, но редко со всеми четырьмя. К примеру, приобщенность к высокой культуре сильнее коррелирует с образованием, чем с доходом. Университетский профессор ведет возвышенный образ жизни и приобщен к высокой культуре. Хотя по уровню образования и престижу профессии его можно отнести к высшему классу, но по размерам дохода он попадает в средний. Куда его относить в конечном счете – к высшему или среднему классу, – зависит от того, по каким параметрам мы определяем социальный класс. Замечено, что люди, приобщенные к классической музыке и театру, редко встречаются в среде богатого класса, если не брать самых интеллектуальных его представителей. Невозможность участвовать в высокой культуре люди часто объясняют нехваткой денег, хотя на самом деле их выбор основывается не только на доходе, но и на вкусах и предпочтениях: билет на престижный футбольный матч стоит дороже, чем билет в музей или театр.

П. Вест в 1976 г. выделил следующие типы культурной стратификации и статусных предпочтений:

1) статусная диффузия – формы досуга и потребления из одной страты (как правило, высшей) перенимаются другими как средство повысить собственный статус;

2) статусное отдаление – отказ высших страт от тех символов, которые прежде принадлежали исключительно им, потому что теперь ими пользуются все;

3) статусное разъединение – разрыв тесной связи, некогда существовавшей между социальным положением индивида (статусом) и формой проведения досуга (примером служит рыбная ловля);

4) межстатусные групповые барьеры – давление группы на ее членов с целью не допустить проникновения своих символов и ценностей в чужие группы и чужих ценностей в свою группу. Примеры барьера: запрет священнослужителям заниматься многими видами светского досуга (трактуются как греховное дело), а также существование закрытых групп, особенно тайных и религиозных сект, подпольных и террористических организаций, масонских лож, которые запрещают разглашать тайные ритуалы, обеты, формулы клятвы и прочее непосвященным.

Исследования показывают, что, во-первых, высшие страты ведут более богатую и разнообразную жизнь во время досуга, чем низшие, а во-вторых, виды досуговой активности среди богатых получают популярность вовсе не обязательно потому, что требуют дорогой экипировки (например, у них популярны гольф и теннис, хотя

мотоциклетные гонки, распространенные в низших стратах, являются более дорогим увлечением).

В современном обществе, как отмечают социологи, то, что на досуге делает человек, больше зависит от его личных пристрастий, склонностей и увлечений, чем от статуса и социального положения. Тем не менее связь между социальным статусом и способом проведения досуга все еще существует. К примеру, низший класс проводит больше времени за картами и распитием спиртного, чем высший; черные американцы меньше занимаются водным спортом и лыжами, чем белые; молодежь, в сравнении с пожилыми, предпочитает подвижные формы отдыха.

Стратификация затронула отношения между полами. Например, в мусульманских странах мужчинам разрешается ходить по улице с открытым лицом, а замужней женщине так делать нельзя (хотя девочки могут не носить чадру). В традиционном обществе мужчины и женщины отдыхали порознь, а достижение современного общества – совместный досуг. До сих пор в итальянских и греческих деревушках мужчины проводят вечер в кафе или на углу улицы, а женщины – дома или в гостях у соседки.

Раньше богач ехал на лошади, а бедняк – на осле. Сегодня оба имеют автомобили: богач разъезжает на «Мерседесе», а бедняк передвигается на «Шевроле». И тот и другой играют в гольф, хотя богач занимается им в престижном частном клубе, а бедняк – на дешевой общественной площадке.

Таким образом, общество становится все более однородным по формам проведения досуга, доступного всем классам. Тем не менее, полагает Т. Кэндо, наше общество все еще сильно стратифицировано. Богач, если сравнивать с бедняком, занимается другим по качеству гольфом. Хотя одни и те же развлечения и формы досуга доступны всем слоям общества, огромное значение имеет то, на каком месте (в партере или на галерке) человек сидит в оперном театре [4].

У каждой социальной группы, как утверждает социолингвистика, есть свой язык. Социолингвистика изучает социальную дифференциацию языка в зависимости от его носителей (рабочих, молодежи, интеллигенции и т.д.), взаимосвязь между структурой языка и социальной структурой, проблемы языкового и социального поведения.

Молодежный сленг характеризует совершенно определенную возрастную группу. То же самое можно сказать о воровском жаргоне, территориальных и социальных диалектах. У каждого человека есть не только социальный, но и культурно-речевой статус.

Культурно-речевой статус обозначает принадлежность к конкретному типу языковой культуры: высокому литературному языку, просторечию, диалекту.

Две-три фразы, содержащие элементы просторечия, воровского жаргона или высокого литературного стиля, безошибочно свидетельствуют не только о культурно-речевом статусе говорящего, но и о его образе жизни, условиях воспитания, социальном происхождении.

Пример: когда мы слышим «покалякать», «сапогов», «хапнуть» или «сперва», мы должны знать, что по форме речи это просторечие; по культурному статусу – выражения, характеризующие невысокий уровень образования (не более 4–6 классов); по социальному положению говорящий относится к низшему классу.

Необразованный человек не замечает своей неграмотности. Он пользуется доступными ему средствами, подбирает слова стихийно. Напротив, культурный человек сознательно решает, как ему лучше выразиться.

По употребляемым словам и выражениям можно судить о том, из какого социального слоя происходит говорящий; где именно он жил (город, село, область); в каких условиях происходила социализация, т.е. кто и как на него влиял; какие книги он читал; с кем дружил и т.п.

Чем старше человек, чем шире его жизненный опыт, тем большее число языковых систем ему доводилось видеть. Таким образом, в одном социокультурном пространстве, на территории одной страны существует множество языковых систем. Один человек может быть участником нескольких и входить в разные речевые общности. Это подобно тому, как один индивид имеет несколько социальных статусов и входит в разные большие группы.

Одна из таких групп – речевая общность (языковой коллектив). Ее составляют носители и трансляторы данной формы языка. Так, например, речевой общностью воровского жаргона выступают не только воры, но и все те, кто им пользуется, понимает и употребляет его.

Культурно-речевой статус – еще одна очень важная характеристика социального статуса, несущая в себе гигантскую познавательную информацию о человеке. Носителями такого статуса выступают речевые общности – большие социальные группы людей. Формируется культурно-речевая среда.

Под культурно-речевой средой понимаются речевая общность людей, говорящих на определенном языке, и совокупность используемых этой общностью культурных элементов (обычаев, традиций, символов, ценностей, норм). Семья, половозрастная группа, социальный слой или класс являются разновидностями культурно-речевой среды. Она выступает средой социализации и одновременно средой консолидации людей. В семье или на работе среда общения определяет тематику разговора, стиль и содержание речи, ее ритмику, частоту, последовательность. Несомненно, речевое общение регулируется нормами и правилами, принятыми в данной среде. Например, дети не должны

вмешиваться в разговор старших членов семьи, начальник имеет право разговаривать с подчиненным в повелительном тоне. Содержание и организацию культурно-речевого поведения людей регулируют привычки, манеры, этикет и кодекс. Привычки надо понимать как твердо усвоенные образцы поведения, возникающие в результате долгого повторения и выполняющиеся автоматически, бессознательно. Манеры – стилизованные схемы (стереотипы) привычного поведения. Окликать по имени – речевая привычка. Но то, как это делается (грубо или вежливо, по фамилии или имени, отчеству и т.д.), относится уже к манерам. Манеры могут быть грубыми и воспитанными, светскими и повседневными. Они базируются на привычках, но выражают внешние формы поведения. Характерная деталь манеры – стилизация поведения, т.е. превращение привычного действия в образную систему действий, подчеркивающих что-либо (намерение, цель). Манеры делают поведение выразительным или выражающим какой-либо смысл, символизирующим нечто. Этикет – принятая в особых социальных и культурных кругах система правил стилизованного поведения, иначе говоря, комплекс манер. Особый речевой этикет существовал при королевских дворах, в дипломатических кругах, светских салонах. Этикет предписывал правила должного поведения для высших кругов общества. Он отличает воспитанного человека от невоспитанного.

Речевая культура, стиль и богатства языка различны у разных социальных групп. У дипломатов, сельских учителей, юристов, водителей или актеров различается культурно-речевая среда, ибо различаются их уровень образования, сфера общения, доступ к культурным ценностям (картинным галереям, музеям, театрам, музыке, книгам).

Язык не только дифференцирован (разнообразен у социальных групп), но и стратифицирован по уровням на высшие и низшие формы. В литературе выделяют основные формы языка: литературный, народно-разговорный, просторечие, территориальные диалекты, социальные диалекты.

Формы языка иерархически связаны между собой как более совершенные и менее совершенные.

Литературный язык – главная форма существования национального языка, воплотившая в себе все духовные достижения народа, превосходящая другие богатством, обработанностью и строгостью. Им владеет высокообразованная часть общества.

Народно-разговорный язык – стилистически более сниженная, менее нормированная форма языка. У нее самый широкий языковой коллектив, она доступна индивидам с любым уровнем образования.

Просторечие – нелитературный стиль разговорно-обиходной речи. По составу носителей это язык не- или малообразованных слоев населения. Просторечие – совокупность особенностей речи лиц, не вполне владеющих

нормами литературного языка. В XIX в. русское просторечие было языком городских масс. В тот период ученые выделяли, в частности, городской мещанский говор, говор низших слоев, говор необразованных классов. До возникновения капитализма не существовало просторечия. Оно – дитя урбанизации.

Территориальный диалект – бесписьменная форма языка, ограниченная бытовой сферой общения, одним географическим районом и социальным классом, а именно крестьянством. Диалекты – исторически самая ранняя форма языка, сложившаяся еще при родоплеменном строе и сохранившаяся ныне в основном в сельской местности. На Земле около 3 000 языков, из них лишь 300 имеют письменность, следовательно, 2 700 языков существуют в виде диалектов.

Социальные диалекты, или социолекты, – условные языки (арго) и жаргоны. Носители социальных диалектов – городские социальные группы. Ученые различают сословные, профессиональные, поло-возрастные и другие социолекты.

Классификация социолектов включает:

1. Профессиональные «языки» – набор разрозненных слов и сочетаний, вклинивающихся в обиходный язык. Их называют лексическими системами (профессионализмами). Практически у каждой профессии – рыболова, сапожника, охотника или гончара – свой «язык».

2. Корпоративные жаргоны – параллельный ряд слов и выражений, синонимичных основному языку. Жаргон – лингвистическое проявление субкультуры (подростковой, студенческой, армейской, спортивной). Он родился из стремления дать обычным словам необычные синонимы. Так, основное слово «голова» приобретает дубликаты: котелок, черепок, тыква, кочан и т.д. Жаргонизмы охватывают широкий спектр явлений: одежду, поведение, учебу, быт, отдых, спорт, любовь. К ним же относится молодежный сленг.

3. Условные языки (арго) – лексические системы, выполняющие конспиративные функции тайного языка, непонятного для непосвященных. Его вырабатывают группы, сознательно стремящиеся изолироваться от окружающих. Цели засекречивания – сохранение тайн ремесла, защита в условиях бродячей жизни, желание показать языковое превосходство. Арго распространен у ямщиков, каменщиков, бондарей, сезонных рабочих, тайных сообществ, юношей, проходящих обряд инициации (в Африке).

4. Жаргон деклассированных – экспрессивно-эмоциональная лексика, стилистически сниженная, грубая, вульгарная речь, изобилующая словами с резко отрицательным содержанием. Жаргон служит средством общения внутри группы деклассированных элементов, опознания «своих» в качестве своеобразного пароля, выражения негативного отношения к социально одобренным ценностям, официальным институтам власти. Воровской жаргон – яркий образец жаргона деклассированных элементов

общества. Он выражает специфическую мораль, противостоящую общечеловеческой. Слова-жаргонизмы: хруст (рубль), башли (деньги), клифт (пиджак), кореш (друг), лабух (музыкант).

Таким образом, в общих чертах социальная стратификация русского языка – разновидность социальной стратификации общества. Она раскрывает иерархическую структуру общества и его культуры. В частности, очень многое сообщает социологу сословная дифференциация русских имен. Так, в сословном обществе сословны даже имена. В XVIII в. у русских крестьянок были в ходу такие имена, как Василиса, Мавра, Федосья и Фекла, а у дворянок – Александра, Екатерина, Елизавета, Ирина, Мария, Наталья, Ольга [13].

3.4. Социокультурная типология личности

Проблема типологии личности занимает важное место в социальной антропологии. Выделение типов личности помогает глубже познать человека, имеет практическое значение для работы с людьми, проведения обоснованной политики, реализации социально-экономических и других управленческих решений. Понятие «типология» означает метод, в основе которого лежат расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа. По способу построения различают эмпирическую и теоретическую типологии. В зависимости от формы типология может быть морфологической, сравнительно-исторической, структурной, идеально-типической и др.

В социокультурной типологии личности применяются многие из отмеченных теоретических положений: эмпирическая и теоретическая, морфологическая и сравнительно-историческая типологии. Значительная часть теоретических концепций типологии личности основана на примате социального, признании решающей роли социальной среды в формировании социально-типических качеств личности. Данная методологическая установка лежит в основе ряда отечественных концепций типологии личности. Известный российский социолог Г.В. Осипов считает, что социально-типические черты личности выходят за пределы ее индивидуальности, означают обусловленность индивидуального социальным. Исходной теоретико-методологической посылкой для социальной типологии, по его мнению, является тип общества, общественная формация. В зависимости от этого им выделяются такие социальные типы личности, как личность рабочего или интеллигента, американского или китайского рабочего, американского или китайского инженера. Под социальным типом личности Г.В. Осипов понимает обобщенное отражение совокупности повторяющихся существенных социальных качеств личности, входящих в какую-либо общность [11].

Влияние социальной среды на личность признавал немецкий социолог и философ Т. Адорно (1903–1969). Это представитель франкфуртской школы, которая сложилась в начале 1920-х гг. в Германии. Одной из известных работ Адорно и его соратников является «Авторитарная личность». В данном труде он разработал теоретические положения о типах и типизации личности. Типы личности, по мнению Адорно, – это совокупность определенных черт, а не статистические типы. Типизация – это результат социальной функции. «Чем более строг тип, – подчеркивал Адорно, – тем более глубоко демонстрирует он отпечатки социальных штампов». Типология личности может быть достаточно грубой, не учитывающей различия индивидуального характера, но она должна быть прагматичной. Он сравнивал свою типологию с учением о четырех типах темперамента, которое применяется на практике, хотя в реальной жизни чистых типов темперамента не существует.

В ходе исследования, проведенного Адорно в США во второй половине 1940-х гг., были выявлены типы личностей, склонные к тоталитаризму (фашизму). Одним из общих качеств всех выявленных типов стал антисемитизм. Необходимо отметить, что Адорно описывал не все типы личностей, существовавшие в то время в США, а только те, которые связаны с авторитарной личностью и склонны к тоталитаризму. Типы демократической личности в его исследовании не рассматривались. Практической целью проекта было создание теоретической базы для борьбы против потенциальной угрозы фашистского мышления. Авторы проекта исходили из того, что современный фашизм немислим без массовой основы. В то же время они признавали, что фашистский потенциал среди масс является распространенным. В качестве методологической базы исследования было взято учение З. Фрейда. В основе почти всех типов авторитарной личности, по мнению Адорно, лежат явления, описанные Фрейдом, например эдипов комплекс. Адорно выделял пять типов авторитарной личности.

1. Конформист. Ученый считал, что этот синдром присущ высшим социальным слоям. Для него характерны такие черты, как приспособленчество к окружающей среде; принятие общих шаблонных ценностей; боязнь выделиться, быть не таким, как все; стереотипность мышления и недостаток самостоятельности.

2. Авторитарная личность. Основные черты: слепая вера в авторитет; готовность атаковать слабых; жестокость и садизм, проявляемые при поиске врага, которым часто становится еврей; мазохизм и готовность подчиняться; страх показаться слабым.

3. Бунтовщик и психопат. Черты этого типа: бунт против всех авторитетов, в том числе против авторитета родителей; бунт против слабых; склонность к эксцессам (запойм, насилию и т.п.); инфантилизм; абсолютизация телесной силы; садистское удовольствие от преследования

слабой жертвы. По мнению Адорно, этот тип играл большую роль в нацистской Германии. В качестве его источников он видел безработных и представителей опасных профессий – бродяг-колонистов, гонщиков, воздушных асов. У субъектов данного типа нет такой жестокости, какая наблюдается в случае авторитарного синдрома. Субъекты инфантильны и асоциальны. Телесная сила для них играет решающую роль. К подобным субъектам относятся различного рода хулиганы, дебоширы, палачи и все, кто выполняет «грязную» работу фашистского движения.

4. Чудак. К этому типу относятся люди, которые не смогли приспособиться к миру, воспринять принцип реальности. Они склонны к изоляции. Такие люди должны построить ложный внутренний мир, противопоставляемый внешней реальности. Данный синдром обнаруживается у женщин и пожилых мужчин, чья изоляция социально усиливается их действительным исключением из экономического производства. Чудак характеризуется отсутствием приспособленности к миру, самовозвеличиванием, подозрительностью, склонностью к психозам и формированию предрассудков и стереотипов.

5. Функционер-манипулятор. Потенциально наиболее опасный синдром, который определяется стереотипами в крайней степени. Весь мир разделяется на пустые, схематичные, административные поля. Все рассматривается как объект для манипулирования и управления. У многих фашистских деятелей в Германии проявлялся этот синдром. Примером может служить Г. Гиммлер. Трезвый ум, почти полное отсутствие каких-либо привязанностей – все это делает таких людей самыми безжалостными. Основные черты функционеров-манипуляторов: любовь к исполнению при глубоком безразличии к содержанию выполняемой работы; организационный подход к вещам; отсутствие моральных норм; безжалостность и цинизм. Для них характерен организационный подход к вещам, который предполагает принятие тоталитарных решений. Их цель – это скорее конструирование газовых камер, чем погромы.

Такова типология авторитарной личности Т. Адорно. Выделенные им типы действительно имеют место. Степень их распространенности свидетельствует о наличии фашистского потенциала в обществе [11].

В зарубежной науке часто говорят и пишут не о типах личности, а о типах социального характера. Американский социолог Д. Рисмен (1909–2002) относится к числу видных представителей этого направления. В понимании социального характера он исходил из того, что это установка, являющаяся общей для близкого окружения человека, с которой он подходит к миру и к людям. Социальный характер, по мнению Рисмена, обусловлен социальной средой. Общество испытывает потребность в определенном типе социального характера, и такая потребность в конце концов удовлетворяется.

Д. Рисмен является автором оригинальной концепции о типах социального характера, которая изложена им в книге «Одинокая толпа. Исследование американского характера» (1950). Рисмен разделил все общества по признаку роста народонаселения и дал их характеристику. По его мнению, существует три типа общества.

1. Общество «высокого потенциала прироста населения». Смертность и рождаемость в этом обществе примерно равны, обе очень высоки, а рост населения незначителен. К этому типу общества Рисмен относил средневековую Европу и другие страны, которые можно назвать народными, статусными, общинными.

2. Общество «переходного роста населения». Для него характерны смена стабильного соотношения смертности и рождаемости, бурный рост населения, резко возрастающая социальная мобильность, быстрое накопление капитала, экспансия и колонизация. Общество нуждается в новом типе социального характера: предприимчивом, инициативном, любящем риск и все новое. И такой характер появляется. К данному типу Д. Рисмен относил общество эпохи Возрождения и времен Реформации.

3. Общество «начинающегося спада населения». Это современное индустриально развитое общество (Америка, Западная Европа). Для подобного общества характерно сочетание образования с возрастающим потреблением информации и образов, предоставляемых СМИ. Меняются способы и средства достижения целей, воспитания детей, отношения в семье.

Указанным трем типам общества, по мнению Д. Рисмена, соответствуют три типа социального характера [11].

1. Ориентированный на традицию. В обществе высокого потенциала прироста населения социальный характер людей формируется на основе следования традиции. Здесь проявляются следующие черты: высокая степень конформности; приверженность традиции и подчинение властным структурам; контроль над поведением со стороны семьи, клана, религиозной общины; следование нормам, соответствующим предписываемому статусу; принятие индивидом своего места, своей строго фиксированной социальной роли; минимальная социальная мобильность; слабое развитие индивидуальности.

Общество не испытывает потребности в социальной мобильности и индивидуальности. Существует только внешняя мотивация, у людей появляется страх быть опозоренными в случае несоответствия принятым в обществе нормам.

2. Ориентированный на себя. Этот тип социального характера соответствует обществу переходного роста. Его основными чертами являются наличие внутреннего, а не внешнего источника мотивации (человек ориентируется не на внешнее окружение, а на внутренний голос, который определяет его поведение); зависимость от других людей кажется

незначительной; предприимчивость, инициатива, любовь к риску; индивидуальность, самостоятельность, творчество; свобода в выборе целей; разнообразие средств достижения целей; меньший контроль со стороны семьи, клана, прочих авторитетов.

3. Ориентированный на другого. Этот тип характера присущ обществу начинающегося спада населения. По мнению Д. Рисмена, он впервые возникает в среде высшего среднего класса современной индустриальной Америки, поэтому его считают американским. Чертами этого типа являются ориентация на других людей, поверхностность и расточительство, неуверенность в себе, внешний источник мотивации. Человек смотрит на людей одного возраста и класса, своих современников и строит поведение в зависимости от восприятия действий, а также от желаний окружения. Его характеризует стремление быть похожим на других, видеть мир их глазами. Человек зависит в своем поведении исключительно от других.

Такова типология социального характера, предложенная Д. Рисменом. В ней, без сомнения, имеются положения, представляющие теоретический интерес. Отдельные суждения и выводы могут быть применены по отношению к российскому обществу (например, ориентация на традицию и ориентация на себя). Однако некоторые положения весьма спорны и вызывают сомнение, например построение типологии на основе роста населения [11].

Широкой известностью среди научной общественности пользуется типология социального характера, предложенная немецко-американским социологом и психологом Э. Фроммом (1900–1980). Понятие «социальный характер» Фромм рассматривал в одном ряду с понятиями «человеческая природа» и «фундаментальные потребности». В понятии «человеческая природа» отражено то, что у всех людей есть основные черты, делающие их людьми и дающие им возможность знать и понимать друг друга. Для осознания человеческой природы необходимо, по Фромму, подходить к человеку не как к представителю той или иной нации, класса, а как к представителю рода человеческого, носителю фундаментальных потребностей, присущих всем. Фундаментальные потребности можно определить как антропологические – истинные потребности человека, которые коренятся в его природе и удовлетворение которых происходит в обществе. Их не надо смешивать с потребностями физиологическими, едиными для всех живых организмов. Потребности, характеризующие человеческую природу, – это потребности в общении (человек стремится к единению с другими людьми), творчестве (человек осознает себя как субъект преобразований), ощущении корней (человек выступает как часть определенного социального института – семьи, класса, нации, государства, церкви, – который обеспечивает ему покровительство и защиту), уподоблении (эта потребность означает ограниченную идентификацию с

членами той или иной группы или подлинную идентификацию с каждым из живущих на Земле людей), системе ориентаций в мире и объекте поклонения. Э. Фромм утверждал, что социальный характер формируется в результате адаптации человеческой природы к структуре общества, т.е. в результате социализации. «Характер... – писал Э. Фромм, – это специфическая форма человеческой энергии, возникающая в процессе динамической адаптации человеческих потребностей к определенному образу жизни в определенном обществе» [11]. Ученый разводит понятия «социальный характер» и «тип личности». Тип личности, по мнению Э. Фромма, определяется принадлежностью человека к формации, классу, социальному слою. Социальный характер воплощает в себе единство внешних условий окружающей среды и внутренней природы человека [11].

В своих трудах Э. Фромм разработал оригинальную концепцию типологии социального характера. Он выделял и анализировал два основных типа социального характера:

рыночный,
продуктивный.

Рыночный тип характера – это результат адаптации личности к условиям рынка товаров и труда, ее стремления пользоваться спросом, быть человеком-товаром. Э. Фромм относился критически к рыночному характеру, он видел в нем многие отрицательные черты. Ученый считал, что личность с таким типом социального характера нельзя признать подлинной. У нее нет смыслообразующего стержня. Она не занимается поисками истины, не задается вопросами о смысле жизни. Ее интеллект манипулятивен, он все может оправдать. Подобный путь социализации личности ведет к конформизму. В рыночном характере Э. Фромм отмечал такую черту, как единообразие. Это единообразие людей, которые выполняют одинаковую работу, одинаково развлекаются, читают одни и те же газеты, одинаково чувствуют и одинаково думают. Что же касается свободы, то она для человека с рыночным характером заключается в первую очередь в свободе распоряжаться собой на рынке труда, иметь частную собственность. Э. Фромм считал, что это не подлинная свобода. Подлинная свобода проявляется в творческом отношении к жизни, к людям.

Главным пороком рыночного характера Фромм считал некрофильность. Это не означает, что человек любит мертвое и все, что связано со смертью. Современный некрофил любит вещи, т.е. все неживое. Он скорее готов потерять жизнь, чем свое владение. Это человек-автомат. Автомобили, обустройство своего дома, теле- и радиоаппаратура, технические игрушки интересуют его больше, чем женщины, любовь, природа и хорошая еда. Такой человек перестает задумываться об угрозах человечеству в результате экологической катастрофы или применения

ядерного оружия. Он попадает под власть созданных им же вещей и организаций. Э. Фромм считал такой тип характера противоестественным. Человек по природе своей призван свободно творить, созидать, быть активным и ответственным. Признаки некрофильной ориентации ученый находил во всех современных индустриальных обществах (независимо от их политической структуры).

Еще одна отрицательная черта рыночного характера – нарциссизм. Под нарциссизмом Э. Фромм понимал веру в решающую роль науки, электронно-вычислительной техники, информационных систем, в разумность рыночного хозяйства. Он отмечал сохранение таких форм нарциссизма, как национальная, государственная, партийная. Нарциссизм, по мнению Фромма, противостоит гуманистической традиции. Наряду с отрицательными чертами ученый видел в рыночном характере некоторые положительные стороны, к числу которых он относил этику справедливости. Относиться друг к другу справедливо – значит исключить хитрость и обман при обмене товарами и услугами и при обмене чувствами. Принцип «я даю тебе столько же, сколько ты даешь мне» является преобладающим этическим принципом в капиталистическом обществе. Можно даже сказать, что развитие этики справедливости – заслуга этики капиталистического общества. Кроме того, Фромм отмечал присущие рыночному характеру порядочность и честность. Порядочность, по его мнению, стала наиболее популярной нормой в капиталистическом обществе, поскольку честность – основной закон свободного рынка, на котором товары и труд обмениваются без насилия и мошенничества. Но порядочность и честность в условиях рынка оказываются ограниченными. Такие моральные ценности, как чистая совесть, человеколюбие и другие добродетели, находятся на втором плане [11].

Рыночному характеру Фромм противопоставлял характер продуктивный. Он подчеркивал, что свободный рынок и рыночный характер нельзя считать вершиной человеческих возможностей. Человек может и должен стать другим. Он обязан преобразовать жизнь на началах любви и творческого отношения к миру. Подлинное решение проблемы человеческого существования заключается в достижении межличностного единства, слиянии с другим человеком, преодолении нарциссизма, некрофильной ориентации.

Э. Фромм много писал о любви. Он считал, что любовь связана с сущностью человека. С ней связан и синдром роста (поступательное движение человечества по пути прогресса). Любящий характер ученый рассматривал как синоним продуктивного характера. Он направлен не на то, чтобы иметь, а на то, чтобы быть. «Иметь или быть?» – это основной вопрос, который ставил Фромм. Иметь – значит уметь выгодно продать свою личность. В этом случае подразумевается рыночный характер. Быть – это совсем не обязательно иметь много, это значит являться многим, много

значить. Подлинное богатство – в созидательном, творческом отношении к жизни, в любви к другим людям, в том, чтобы не брать, а отдавать. Для формирования любящего характера уже с детства необходимы исполненные любви и доброжелательности отношения взрослых с детьми, свобода и отсутствие угроз, обучение принципам. Реализация гуманных идеалов должна произойти путем социальной терапии, т.е. через лечение общества. Фромм разрабатывал целую программу создания нового общества. Основными принципами такой программы являются ограничение свободного рынка, а в конечном счете отказ от него; сочетание планирования и децентрализации; развитие индивидуальной инициативы; создание новой этики и новой религиозности; возврат к понятиям равенства, свободы и достоинства. Фромм считал, что в результате терапии общество станет здоровым.

Таковы взгляды Э. Фромма на социальный характер. Оценивая их, можно отметить, что многие мысли ученого представляют несомненный интерес. Весьма актуальны его размышления о рыночном характере, его положительных и отрицательных сторонах. Критика рыночного характера Фроммом заставляет задуматься над своей жизнью, поведением, установками, над отношениями в семье, к детям, к вещам. Определенный интерес представляют пути преодоления рыночного общества и рыночного характера, предложенные Фроммом. Их можно рассматривать как желательный, но недостижимый в нынешних реалиях идеал [11].

3.5. Социально-историческая типология личности

Социально-историческая типология означает выделение типов личности, характерных для различных исторических эпох. Теоретической основой осуществления данной типологии является понятие «габитус», разработанное французским социологом П. Бурдьё (1930–2002). Габитус (от лат. *habitus* – «внешность») – это система приобретенных схем деятельности, категорий восприятия и оценки, принципов классификации элементов социального мира.

Габитус имеет объективную и субъективную стороны. Объективная сторона заключается в том, что габитус формируется под влиянием социальной среды. Основными детерминантами являются капитал, профессия, род занятий, социальные связи, принадлежности к социальной группе, индивидуальная история (биография). Эти детерминанты определяют манеру держаться, мыслить и говорить. Усвоение социальных и культурных качеств происходит в процессе социализации. Человек за время жизни овладевает новыми телесными, языковыми и поведенческими навыками. Субъективная сторона габитуса заключается в том, что он выступает как система организующих принципов, схем мышления и действий индивида. П. Бурдьё описывал эту сторону габитуса через

понятие «игра», которое позволяет показать, что, с одной стороны, действия человека, социально детерминированы (игра осуществляется по определенным правилам); с другой – игра подразумевает бесконечное множество ходов в рамках заданных правил. Тем самым возникает возможность объяснить изменения человека и общества [11].

Понятие «габитус» дает возможность выделить типологию личности. Российский философ и антрополог Н.Н. Козлова (1946–2002) в работах описывает такие социально-исторические типы габитуса, как крестьянин, джентльмен, буржуа, пролетарий, интеллигент, советский человек [11].

1. Крестьянин. Особенности габитуса крестьянина являются семейное хозяйство и социальная связь личного типа; хозяйство на земле, жизнь на границе природного и социального; традиционный, ритмичный и ритуальный характеры культуры; подчиненное социальное положение, выработка повседневных техник сопротивления и взаимопомощи. Крестьянин – сельскохозяйственный производитель, который, используя мелкий инвентарь и труд членов своей семьи, работает для удовлетворения собственных нужд и выполнения обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти. Крестьянин ведет хозяйство на земле. Результаты его деятельности очень сильно зависят от природных факторов, от погоды (даже в начале XXI в.). Его жизнь и деятельность регулируются традицией, нравами, обычным правом. Для крестьян характерен феномен моральной экономики как этики выживания. Крестьянин находится на низших ступенях социальной иерархии. С этим связаны специфические тактики и стратегии крестьян, в частности их способность к повседневному сопротивлению против тех, кто стремится отнять результаты труда, собрать дополнительные налоги и т.п. Техники сопротивления крестьян включают волокиту, симуляцию, дезертирство, воровство, мнимое неведение, саботаж, поджоги и другие способы, позволяющие избежать явного столкновения с властями.

2. Джентльмен. Это представитель благородного сословия, рыцарь, дворянин, помещик-землевладелец. Данное сословие составляло верхушку феодального общества, выполняющую функции управления и власти. Их роль в обществе определялась не богатством, а происхождением. Наиболее существенными особенностями джентльмена являются жизнь на земле и личная социальная связь; важная роль понятия чести; создание новых стилей жизни; табу ручного труда; праздность и расточительность; непринужденное отношение к культуре и искусству; привычка нести ответственность и др.

Дворянин, как и крестьянин, связан с землей. Он не сеет и не пашет, но получает земельную ренту. Земля – главное средство производства в традиционном обществе. Общность дворян, как и общность крестьян, – это общность личной связи. Здесь все знают друг друга. Важной чертой благородного сословия является представление о чести. Кодекс чести

дворян включал соблюдение дуэльных правил, возврат карточных долгов, невозможность посягнуть на супругу друга и т.п. Благородное сословие считается творцом писаных кодексов поведения, правил хорошего тона, новых стилей жизни, утонченных манер и т.п. Исследователи считают, что появление ложки, вилки, отдельной тарелки для каждого человека за столом, носового платка и многого другого – это изобретение привилегированного сословия. Дворянство изобретало новые стили и манеры поведения, чтобы отделить себя от остальной массы населения, но постепенно их нововведения получали широкое распространение среди непривилегированных масс.

3. Буржуа. Для габитуса буржуа характерны свои особенности, в числе которых могут быть выделены новое представление о времени (появление формулы «время – деньги»), расчет и планирование, бережливость, усердие и трудолюбие. Буржуа характеризуются как усердные и трудолюбивые. Эти качества использовались для того, чтобы сколачивать состояние. Представители дворянства были праздны, а крестьяне – трудолюбивы, но последние не имели стремления сколотить состояние. Габитус буржуа включает такие качества, как расчет и планирование, умение ставить цели и сознательно их достигать. В числе важных отличительных характеристик буржуа отмечаются сбережение денег и бережливость. Это качество не было характерным для благородного сословия, которое относилось расточительно к деньгам и вещам. Буржуазный класс некоторое время осуждал расточительный образ жизни, однако уже в XIX в. его представители все более отходили от бережливости, их потребление стало носить аристократический характер. Сегодня эта тенденция сохраняется.

4. Пролетариат. Для габитуса пролетариата характерны новая дисциплина труда и новое представление о времени, которые появляются в результате применения по отношению к нему особых техник дисциплинирования, в числе которых могут быть названы надзор, наказания, штрафы, строгий распорядок дня и др. Пролетариат формировался в тяжелых условиях жизни (бараки, трактиры и т.п.). Его габитусу присуща утрата связи с природой. Важными особенностями пролетариата являются проявление активности, создание массовых движений с целью защиты своих интересов и прав [5].

5. Интеллектуал. Исследователи отмечают такие особенности габитуса интеллектуала, как высокий уровень образования и культуры, более высокие нормы морали, культура речи, способность к созданию непотребительской культуры, сочетание качеств наемных работников и творцов, особые отношения с властью (дружба или вражда), почитание политической элитой и обществом в целом. В России наблюдается особый подход к интеллигенции. Еще в XIX в. выработалось понимание ее как выразителя самосознания нации [5].

6. Советский человек. Н.Н. Козлова предлагает оригинальную концепцию советского человека. Ее суть заключается в следующем. Типичный советский человек – это бывший крестьянин (причем молодой), ставший городским жителем. Советскими людьми стали те, кто в 1917 г. были детьми или еще не родились. Изменения общества и человека происходили не только принудительно, но и добровольно. Главными причинами социальных изменений были две: во-первых, кризис, при котором формировалось молодое поколение после революции 1917 г.; во-вторых, стигматизация, т.е. постановка на крестьянах клейма отживающего класса. Молодое поколение, формировавшееся в 1910–1920-е гг., росло в условиях тяжелейшего кризиса общества (гражданская война, разруха, голод, болезни). Эти условия привели к появлению у людей страха за свою жизнь и будущее. Они боялись не только физической, но и социальной смерти, того, что могут стать упраздненными. Молодые крестьяне и их дети не хотели быть отживающим классом, они хотели быть нормальными членами общества. В связи с этим пребывание в деревне они видели бесперспективным. Самые жизнеспособные молодые люди двинулись в город, в промышленность, включившись в «изобретение» советского человека. Масса крестьян, пришедшая в год, образовала две большие группы, которые по-разному относились к новой идеологии, к «советскости». Первая, самая большая группа, стала пролетариатом, рабочими. Для них были характерны следующие черты: промышленный труд; адаптация к рабочему ритму; новые представления о дисциплине и времени; изменение форм быта и отдыха; участие в революционных праздниках и спортивных парадах; новый характер досуга. Бывшие крестьяне утрачивали традиционные ценности и оставались при этом на нижних ступеньках социальной иерархии. Эта часть молодых крестьян, попадая в город, несомненно, втягивалась в сферу идеологии, однако их отношение к ней было ситуационным. Нельзя сказать, что все они становились идейными, верили в коммунизм. Эту часть бывших крестьян Н.Н. Козлова не считает истинно советскими людьми. Они являются советскими по случайности рождения. Их «советскость» ситуативна и непринципиальна. Подлинно советскими людьми Н.Н. Козлова называет вторую группу молодых людей, пришедших в город. Они отличались активностью, их жизненная программа заключалась не в том, чтобы просто выжить, а в том, чтобы преодолеть социальную пропасть, отделявшую их от благополучных членов общества.

Имперский синдром – еще одна характеристика советского человека. Данная черта обосновывается тем, что большое число советских людей в первую очередь идентифицировали себя с СССР, а уже потом со своей республикой.

Советскому человеку также присуща и простота. Советский человек – человек простой. У него имеются следующие качества: быть как

все, не высовываться и не выделяться; проявление зависти по отношению к обладателям таланта, власти, потребительских благ; минимальные запросы; прозрачность, открытость для понимания со стороны себе подобных и со стороны начальства. Кроме указанных качеств, у советского человека отмечаются двоемыслие и лукавство, изолированность, отсутствие выбора, контроль страха, мобилизованность, оптимистичность, единоклассники и вера в вождей. Многие исследователи указывают на двоемыслие как типичную черту советского человека. Двоемыслие видится в попытках обмануть систему (приписки, мелкое воровство с предприятий и колхозов), разделении официальной и неофициальной сфер (заявления с официальной трибуны и разговоры на кухне); попытках оправдать собственное поведение; готовности терпеть обман и обманываться. Отмечается, что двоемыслие продолжает существовать и сегодня, только изменились его характеристики и сферы приложения. Некоторые черты советского человека продолжают существовать и сегодня, в третьем десятилетии XXI в., а другие медленно изменяются. Оценивая социологическую концепцию советского человека, необходимо признать, что, несмотря на свои слабые стороны, она представляет интерес с точки зрения познания и знакомства с социологическими методами изучения [12].

3.6. Формационно-классовая концепция типологии личности

В советском обществоведении господствующей была формационно-классовая концепция типологии личности. Типы личности выделялись в зависимости от общественных формаций по классовому принципу. К числу основных относились личность доклассового общества, рабовладельца и раба, феодала и крепостного, буржуа и рабочего, личность при социализме.

Каждый из указанных типов подробно характеризовался, отмечались основные черты и особенности. Несмотря на упрощение и идеологизацию, основные положения этой теоретической концепции сохраняют свое значение и сегодня. С переходом российского общества к рыночной экономике некоторые классово-формационные типы личности стали вполне узнаваемы [11].

3.7. Формирование нового типа личности и парадоксы его существования

Выступая субъектом социального творчества, человек творит новую социальную реальность и под ее влиянием трансформируется сам. Объективно человек, создавая новые условия своей жизни, социализируется с учетом этих условий, в результате чего у него формируются специфические черты, обеспечивающие адаптацию и функционирование в инновированной реальности. Инновация социальной

реальности в настоящее время осуществляется в результате активной экспансии информационных технологий, ведущих общество к новому витку цивилизационного развития в виде информационного общества. Изменение технологической среды обуславливает не только изменение образа жизни людей, но и преобразование нравственно-поведенческих стереотипов, психологических установок, мотивационной структуры. Если исходить из посылки, что среда формирует личность, то правомерно утверждать, что изменение социальной среды изменяет личность. Таким образом, трансформационные социальные процессы актуализируют проблему нового типа личности, формируемого в реалиях информационного общества [2].

Констатируя существование созданной человеком новой информационной социокультурной реальности и не останавливаясь на характеристике ее компенсаторных особенностей (т.е. не обращаясь к вопросу о том, для преодоления какого несовершенства человека создается культурное пространство информационного общества), можно отметить ее несовершенство, обусловленное незрелостью данной социально-исторической формы. Эта незрелость проявляется в противоречиях бытия человека в формирующемся новом обществе. Данные противоречия определены как парадоксы информационной реальности, влияющие на формирование человека типа *homo sapiens informativus*. Следует остановиться на них и указать на их парадоксальность.

1. Техногенное противоречие между естественно-биологическими основаниями жизни человека и расширением пространства искусственной (технизированной) среды. Будучи частью биосферы, человек как бы отказывается от природно-биологических основ своего существования, формируя технические структуры, которые противоречат жизни, символизируют доминирование мертвой материи. Созданная и имеющая тенденцию к расширению искусственная (технизированная) среда вытесняет (и даже заменяет) естественное пространство жизни. Техногенное противоречие информационного общества содержательно выражено в тезисе «человек как живое существо, как биологический вид сегодня существует и развивается в неорганической искусственной среде» [2]. Результатом абсолютизации ценности технических объектов неизбежно становится девальвация ценности живых объектов, ценности жизни. Нивелируется различие между отношением к живому и неживому (вспомним повсеместно распространенную игрушку «тамагочи»). Техногенное пространство формирует у человека специфические психологические качества, среди которых приоритетную роль играют рациональность принятия решений, стремление к порядку, исполнительность. На задворки личностных структур перемещаются такие общечеловеческие нравственно-ценностные качества, как доброта,

сострадание, милосердие, которые не требуются при взаимодействии с техническими объектами.

2. Информационно-коммуникативное противоречие между стремлением человека к межличностному общению и создаваемыми на основе информационных технологий ограничениями непосредственного характера общения. Человек открыт миру посредством включения в коммуникативное сетевое взаимодействие. При этом он ограничивает социальное (в подлинном смысле этого слова, т.е. человечески-совместное) взаимодействие. В информационно-коммуникативных сетях человек может по своему желанию связаться с любым участником Сети и отключиться от взаимодействия простым нажатием кнопки. Содержание информационно-коммуникативного противоречия жизни человека в информатизированном обществе может быть выражено в тезисе «в информационной среде можно общаться с кем, когда и сколько угодно, но личностное взаимодействие не обязательно» [2]. Сущность данного парадокса состоит в одновременном расширении коммуникативного пространства в результате развития информационно-коммуникативных технологий и сужении личного общения рамками интернета, мобильной связи и тому подобного, в результате чего формируется чувство отчужденности от реальной жизни и оторванности человека от других людей. Дж. Нейсбит утверждает, что пребывание в комнате в абсолютном одиночестве во время беседы в чате представляет собой совершенно новый социальный феномен, ни в коей мере не заменяющий человеческого соучастия. Интернет, являясь пространством виртуального взаимодействия, принижает значимость личного общения. На последнее не остается времени, интерес к нему пропадает. Происходит изменение традиционной схемы общения, ориентированной на долговременность, преданность, верность. Взаимодействие человека и информационно-коммуникативных технологических структур подлежит оценке не в нравственных категориях, а в терминах рациональности и полезности [2].

3. Когнитивное противоречие между неограниченными объемами информации, которые может получить человек, и ограниченностью его мыслительных способностей. Индивид способен получить любой объем самой разнообразной информации, но из-за психофизиологической ограниченности мышления не может овладеть ею даже в необходимой ему степени. Возникновение данного противоречия обусловлено тем, что ускоренное развитие информационных технологий выступает технологической базой создания очень сложной, активно изменяющейся и информационно перегруженной среды, в которой человек часто не может адекватно воспринять избыток информации. Это связано с тем, что биологической способности человека воспринимать и усваивать информацию недостаточно для того, чтобы ориентироваться в многообразии предлагаемых решений. Появляется некая искусственная

неполноценность мышления, которое не способно адаптироваться к перегруженному информацией миру. Принятие решения в данной ситуации базируется не на всестороннем анализе имеющейся информации, а на каком-либо одном общепризнанном или доступном элементе информации. Это вызывает эффект стереотипного ограничения внимания и автоматической реакции на поступающую информацию. Автоматизм стереотипности, т.е. стремление принять решение, используя уже известные методы, в конечном счете приводит к необычайному расширению возможностей влияния на психику человека и, соответственно, на его действия во всех сферах жизни (от политической до интимной).

4. Эмоционально-чувственное противоречие между многообразием эмоционально-чувственного мира человека и необходимостью ограничения эмоциональных проявлений в информационном обмене. Разнообразие получаемой по многим каналам информации каждым индивидом требует, как отмечалось, унифицированности и стандартизованности сознания. Стереотипность мышления и чувств человека выражается в системе шаблонов, позволяющих минимизировать их выражение в информационно-коммуникативных процессах. Специфика информационного воздействия в формирующемся обществе проявляется в том, что каждый человек может получить информацию индивидуально, когда находится дома или на рабочем месте у компьютера. Но каждый «одинок» получает однотипную информацию, размещенную в интернете, и в результате превращается в человека с массовым сознанием. Очевиден вывод, что при этих процессах формируются тождественные оценки определенных объектов и отношений, тождественные установки на определенные типы поведения. Сознание постепенно становится унифицированным, стандартным. Можно также заметить, что до широкого внедрения информационных технологий в повседневную жизнь система общепринятых одобряемых норм и образцов поведения соотносилась с реальной жизнью, служившей эталоном и исходной точкой отсчета. В информационном обществе ситуация меняется: реальное поведение людей, их стиль жизни, образ мышления, одежды и манеры формируются на основе моделей, предлагаемых в сетях и функционирующих как элементы массовой культуры, превратившейся в законодателя норм и эталонов. При этом пренебрежение имеющимися в информационном пространстве стандартами обычно приводит к общественному осуждению, воспринимается как аномалия, как проявление асоциальности, опасного нонконформизма.

Рассматриваемое противоречие имеет еще одно существенное проявление. Преобладание формализованных форм взаимодействия в системе информационно-компьютерной коммуникации (онлайн, SMS и другие формы) неизбежно обуславливает рационализацию чувств,

связанную с требованием лаконичного представления информации. Сообщение, передаваемое в знаковой форме, по определению лишено эмоциональности. Оно должно быть четким, правильно сформулированным и содержать минимум символов.

5. Нравственно-поведенческое противоречие между информационными условиями развития личности и ограничениями личной свободы. Информационная свобода выступает основой развития человека как личности, но вместе с тем предполагает расширение возможностей манипулирования поведением личности, тотального контроля всех проявлений ее жизни. Во-первых, в информационном обществе актуализирован образ Большого Брата, который знает все обо всех (с момента рождения человека и до конца жизни в разных структурах накапливается информация о нем). Тотальный контроль – вот характерная черта информационного общества, не вызывающая, впрочем, отторжения, поскольку целевая (государственная) функция этого контроля в конечном счете направлена на удовлетворение потребностей личности и ее развитие.

Следует отметить следующее. Во-первых, огромные (избыточные) информационные потоки практически лишают своего массового потребителя возможности уловить какую-либо тенденцию, поэтому большое значение в оценке предлагаемой информации приобретают суждения экспертов, консультантов и т.п. В результате личность становится все более склонной к авторитаризму (в смысле подчинения чужому мнению) в принятии решений. Во-вторых, недостаток информации (дозированная информация) или определенным образом поданная информация становится основой для формирования и распространения разнообразных мифов, верований, иных иррациональных представлений. Не естественные (реально существующие), а искусственно культивируемые образы становятся материалом для дальнейшего манипулирования смыслами. Безусловно, рассмотренными чертами человека, который будет жить в информатизированном и технизированном мире, не исчерпывается многообразие особенностей образа субъекта этого мира. Новый цивилизационный виток только начинает сворачиваться в спираль, поэтому подлинные масштабы и характер следствий современных социально-личностных изменений будут проявляться в отдаленной временной перспективе [2].

Социологическое направление антропологии, призванное изучать взаимодействие культуры и общества, характеризуется особенностями объекта и предмета, используемыми понятиями, содержанием исследуемых проблем и наличием тесных связей с социологией. В качестве его объектов выступают социальные общности, социальные институты, социальные организации. В число основных понятий данного направления входят «культура», «социальная система» и «социальная структура».

Социологическое направление антропологии имеет тесные связи с социологией, но не заменяет ее. Социальная антропология отличается от социологического знания микроуровнем исследования, вниманием к жизненному миру и обыденному уровню культуры, взглядом на изучаемые явления с точки зрения наблюдаемых. Социальная антропология изучает культуру различных социальных общностей и групп, культуру и структуру социальных организаций.

Важной проблемой социальной антропологии является социокультурная типология личности. Среди зарубежных концепций представляют интерес уже упомянутые выше типологии социального характера Д. Рисмена и Э. Фромма, проект «Авторитарная личность» Т. Адорно, а в качестве теоретической основы для выделения социально-исторических типов личности выступает понятие «габитус».

Контрольные вопросы и задания

1. Чем характеризуется социальная антропология как социологическое направление в антропологии?
2. Назовите основные понятия социальной антропологии и дайте их характеристику.
3. Каков характер взаимоотношений социальной антропологии и социологии?
4. Что представляет собой социокультурная типология личности?
5. Какие типы социального характера выделял Д. Рисмен?
6. Назовите типы авторитарной личности, рассмотренные Т. Адорно.
7. Раскройте основные положения концепции Э. Фромма о рыночном и продуктивном типах социального характера.
8. Дайте характеристику социально-исторической типологии личности.
9. Какие черты советского человека выделяют российские социологи?

Глава 4. Культура повседневности как объект социально-антропологического исследования

4.1. Исследование повседневности

Повседневное – это привычное, обычное и близкое, т.е. тот жизненный порядок, в котором каждый человек, кем бы и каким бы он ни был, ориентируется свободно. Аналитическое проникновение в повседневное представляет собой серьезную трудность в связи с тем, что все здесь кажется само собой разумеющимся. Так происходит потому, что человек в культуру повседневности включен своим подсознанием, нерелефлирующей частью разума.

Повседневное – это сфера человеческого опыта, характеризующаяся особой формой восприятия и осмысления мира, возникающей на основе трудовой деятельности. Для нее характерны напряженно-бодрствующее состояние сознания, личное участие в мире, представляющем собой совокупность видимых и не вызывающих сомнения в объективности своего существования форм пространства, времени и социальных взаимодействий. Все эти формы являются интерсубъективно (социально) организованными.

А. Шюц считает, что повседневность – один из миров опыта, для которого характерны следующие черты: бодрствующее напряженное внимание к жизни; воздержание от всякого сомнения в существовании мира; трудовая деятельность, являющаяся преобладающей формой активности. Среди всех видов активности последняя «играет важнейшую роль в конституировании реальности повседневной жизни» [11]. Реальность и трудовая деятельность вступают в когнитивную функциональную связь, детерминированную трудом. Трудящееся Я выступает как целостное, нефрагментированное Я, поскольку труд наиболее полно активизирует все потенциальные качества личности, наделяет их единством. И это понятно, потому что основной функцией повседневности выступает жизнеобеспечение.

Повседневность – целостный социокультурный жизненный мир, предстающий в функционировании общества как естественное, самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности. Будучи специфической областью социальной реальности, повседневность также является объектом ряда наук и междисциплинарных исследований (истории, социальной и культурной антропологии, социологии).

В рамках классических подходов в социальном познании (представленных, в частности, марксизмом, фрейдизмом, структурным функционализмом) повседневность полагается низшей реальностью, значением которой можно пренебречь. Это поверхность, за которой скрывается некая глубина, или же завеса из фетишистских форм, за которой лежит подлинная реальность («оно» во фрейдизме, экономические связи и отношения в марксизме, устойчивые структуры, определяющие человеческое поведение и мировосприятие в структурном функционализме). Исследователь повседневности выступал в качестве абсолютного наблюдателя, для которого живой опыт был всего лишь симптомом этого более глубокого слоя социальной реальности. По отношению к повседневности культивировалась «герменевтика подозрения». В рамках классических методологий повседневность также вполне естественно могла выступать объектом проектирования и рационализации [11].

Герменевтические и феноменологические школы в социальной философии и социологии стали альтернативой классической парадигме

социального знания. Толчок к новому пониманию повседневности был дан Э. Гуссерлем в его трактовке жизненного мира. В феноменологической социологии А. Шюца был осуществлен синтез этих идей и социологических установок Вебера. Шюц сформулировал задачу исследования повседневности в контексте поиска предельных оснований социальной реальности как таковой. Различные варианты подобного подхода представлены в современной социологии знания (П.Л. Бергер) с несколько иных методологических позиций: в символическом интеракционизме, этнометодологии и т.п. Здесь повседневное и неповседневное уже не выступают в качестве различных и несоизмеримых по своему значению онтологических структур. Это разные реальности лишь постольку, поскольку представляют разные типы опыта. Соответственно, теоретические модели не противопоставляются конструктам повседневного сознания. Напротив, критериями обоснованности и валидности знания становятся преобладание и соответствие понятий науки конструктам обыденного сознания и донаучных форм знания. Главным вопросом социального познания оказывается вопрос о соотношении социального знания с повседневными значениями (конструктами первого порядка). Проблема объективности знания этим не снимается, но сами формы повседневной жизни и мышления уже не проверяются на истинность [13].

Вместе с осмыслением проблематики повседневности происходило становление постклассической парадигмы социального знания. Исследования повседневности из отрасли, занимающейся специфическим предметом, превращаются в новую дефиницию «социологического глаза». Природа исследовательского объекта – повседневной жизни людей – меняет отношение к самой идее познания социального мира. Ряд совершенно разных исследователей (Ю. Хабермас, Т. Лукман, Э. Гидденс, М. Маффесоли, М. де Серто и др.) обосновывают идею необходимости переосмысления социального статуса науки и новой концепции познающего субъекта, возвращения языка науки «домой», в повседневную жизнь. Социальный исследователь утрачивает привилегированную позицию абсолютного наблюдателя и выступает лишь как участник социальной жизни наравне с другими. Он исходит из факта плюрализма опыта, социальных практик, в том числе языковых. Такая смена угла зрения позволяет обратить внимание на то, что раньше казалось незначимым или же подлежащим преодолению отклонением от нормы. Это архаика в современности, банализация и технологизация образов и пр. Соответственно, наряду с классическими методами изучения повседневности используются методы, основанные на приближении к нарративности повседневной жизни (case studies, биографический метод, анализ «профанных» текстов). В центре внимания в таких исследованиях оказывается анализ самоочевидностей сознания, типичных, рутинных

форм практики. Исследование превращается в своего рода коммонсенсологию (от *sensus communis* – здравый смысл) и формологию (так как форма остается единственным устойчивым началом в условиях альтернативности и нестабильности социальных и плюральности культурных начал). Формы жизни уже не оцениваются как более высокие или более низкие, как истинные или неистинные. Никакое знание, в том числе социально-научное, не предстает в качестве выделенного, все виды знания помещаются в контекст культуры, языка, традиции. Такая познавательная ситуация сталкивается с проблемой релятивизма, поскольку проблема истины замещается проблемой коммуникации людей и культур. Задача познания сводится к исторически обусловленному культурному действию, цель которого заключается в том, чтобы выработать новый способ «считывания» мира. В рамках этих подходов истина и эмансипация из непреложных норм превращаются в ценностные регулятивы [13].

Естественно, в трудовой деятельности присутствуют и спонтанные физические проявления, и свойство созерцающей рефлексии (обзор результатов действия), и деятельность воображения (проектирование действия). Однако главным остается действующее начало, чем повседневное и отличается от мира фантазии (литературного замысла, мира волшебной сказки, мифа и т.д.). В последнем нет труда, мотивированного окружающим миром и, соответственно, воздействующего на его объекты, нет характерного для повседневности должностования, в силу чего и внимание к жизни ослаблено, напряженно-бодрствующая установка заменяется созерцательной, воображающей. Практикуется воздержание от суждения о существовании объектов этого мира (мира фантазии). Все воображаемые образы имеют право на существование в данном безграничном мире.

Ясно, что в основе когнитивного стиля, конституирующего повседневное, лежит принцип правдивости в коммуникациях людей, порождающий чувство уверенности в истинности происходящего. Принцип правдивости утверждается трудовой активностью людей. Поскольку в мире фантазии обнаруживается дефицит деятельности (личностной и социальной), напрашивается вывод о том, что этот мир является трансформацией мира повседневности, а не представляет собой изолированную от нее и равноправную с ней реальность. Поэтому в искусстве главным принципом был и остается принцип жизнеподобия.

В повседневной жизни людям приходится изобретать, создавать свой мир. В своем мире люди участвуют и своим внешним планом (деятельностью, поведением), и внутренним (духовно-психическим) миром. Внутренняя жизнь стремится быть согласованной с внешней и наоборот, поскольку люди так или иначе хотят жить в согласии с собой, в состоянии душевного равновесия. Это возможно благодаря способности

человека создавать и накладывать на мир фактов и процессов свой смысловой и ценностно-нормативный порядок, а также приводить оба мира в соответствие друг другу. Ясно также, что социальное взаимодействие невозможно без устойчивых символических форм. Появляются артефакты – структурно сходные объекты. Культура повседневности организуется в таких символических формах, как позитивный опыт, имеющий свойство передаваться от человека к человеку, от поколения к поколению. Социокультурный опыт людей кодируется в мимике, жестах, телодвижениях, интонациях и словах, формулах, образах, технологиях. Эти проявления существуют в областях совместной жизнедеятельности людей, межличностной вербальной и невербальной коммуникации, письменных текстах, сферах невербальных эстетических объектов. Для участия в такого рода коммуникациях человек должен обладать определенной культурной компетентностью [11].

4.2. Теоретические подходы к изучению повседневности

Когда мы говорим о повседневности, на ум приходит нечто привычное, рутинное, нормальное, себе тождественное в различные моменты времени. Повседневность кажется нам абсолютно ясной, понятной, но как только мы пытаемся четко операционализировать понятие, то оно становится недоступным, сложным для интерпретации. Все это происходит из-за того, что повседневность просто ускользает от рефлексии.

Массовые повседневные феномены встречаются в нашей жизни везде и во всем. Однако повседневность предстает как видимое, но незамечаемое. Повседневные практики никогда не выступают в форме проектов, программ, доктрин социального изменения. Повседневные практики не воплощаются ни в каком официальном институте, они образуют своеобразные свободные зоны, защищенные или защищающиеся от институциональных давлений.

Повседневное – это нечто привычное, близкое, упорядоченное. Скажем, жизнь пчелы жестко фиксирована инстинктом. Человек не фиксирован и в соответствии со своей природой должен изобретать намеченный лишь весьма приблизительно порядок, создавать свой мир. В процессе привыкания и освоения его навыки преобразуются в знания и умения, которые многократно воспроизводятся и воплощаются в материальных предметах. Это касается питания, одежды, продолжения рода, расположения жилища, распределения времени, т.е. всего того, что принадлежит миру, близкому и знакомому для человека, миру, в котором он может свободно ориентироваться.

Человек в любой момент повседневной жизни находится в биографически детерминированной ситуации, т.е. в определенной им

самим физической и социокультурной среде. В такой среде он занимает свою позицию. Это не только позиция в физическом пространстве и внешнем времени, не только статус и роль в рамках социальной системы, это также моральная и идеологическая позиции.

Итак, можно выделить два плана использования понятия «повседневность» как термина, обладающего определенной нагрузкой.

Первый план значений связан с направленностью внимания на содержательные обстоятельства совместной жизни людей, их взаимодействия, которые осознаются ими как естественное состояние, как собственная, частная сфера жизни, сфера будней «человека с улицы».

Второй план значений относится к методической самоорганизации реальности, способам, процедурам, с помощью которых осмысливается и демонстрируется поведение, объясняется себе и другим, выражается в приемлемых для всех формах. Иными словами, это аспекты общительности и «общежителности» повседневной жизни, в которых зафиксированы обязательные символические способы понимания себя и других. Они реконструируются и, что важно, фиксируются во время жизни.

Таким образом, повседневность является продуктом длительного исторического развития. Она исторична, поскольку представляет собой мир культуры, который мы воспринимаем в его традиционности и привычности и который доступен наблюдению.

Повседневность – одно из пространственно-временных измерений развертывания истории, форма протекания человеческой жизни, область, где возникает надежда на новацию, где банальности, перетекая друг в друга, образуют новые миры. При этом повседневность поддерживает стабильность функционирования человеческих обществ. Это целостный социокультурный мир в том виде, в каком он человеку дан, продукт социального конструирования.

Что касается начальных этапов человеческой истории, то повседневность рассматривалась в то время как один из возможных миров. Он был столь же реален (или ирреален), сколь и миры богов, демонов и прочих. Э. Гуссерль характеризовал такое восприятие мира как мифо-практическое. Повседневность в этом мире, по словам Гуссерля, не тверда в своем самосущностном бытии и открыта воздействию мифических моментов. Так, например, в Греции мир богов существовал наряду с миром обычных людей в их восприятии. Более того, люди считали себя прямыми потомками великих героев и богов.

Интересно также и видение повседневности в Древнем Египте или Греции. В Египте прошлое и настоящее повседневности взаимодействовали в реальном времени. Речь идет не просто о культуре предков. Согласно верованиям других египтян, загробная жизнь была продолжением земной жизни.

В концепции М. Вебера можно встретить термин «оповседневнивание», под которым понимается процесс обживания, обучения, освоения традиций и закрепления норм. В этом процессе повседневность выступает как сфера, где собираются и хранятся, если так можно выразиться, смысловые осадки прошлого опыта.

Для М. Вебера оповседневнивание – одно из центральных понятий в проблематике стабилизации кризиса, нововведения, возникновения нового религиозного течения, становления социального порядка и т.д. Любые нововведения политического и экономического характера воспринимаются людьми как враждебные, как покушение на устоявшееся, знакомое. Например, программа политического лидера должна основываться на знании обыденного, умении видеть и формировать необычное в обычном. Лидер обязан восприниматься как типичный представитель среды, потому что в повседневности человек руководствуется предположением, согласно которому его партнеры по взаимодействию видят и понимают мир так же, как и он сам. Люди рассматривают партнера по взаимодействию как тип.

Действительный опыт подтверждает или не подтверждает ожидания типических соответствий. В случае подтверждения содержание типа обогащается; при этом тип разбивается на подтипы. С другой стороны, конкретный реальный объект обнаруживает свои индивидуальные характеристики, выступающие тем не менее в форме типичности.

А. Шюц приводит следующий пример: «Мы видим горы, деревья, животных, людей. Я, может быть, никогда раньше не видел ирландского сеттера, но стоит мне на него взглянуть, и я знаю, что это – животное, точнее говоря, собака. В нем все знакомые черты и типичное поведение собаки, а не кошки, например. Можно, конечно, спросить: "Какой она породы?". Это означает, что отличие этой определенной собаки от всех других, мне известных, возникает и проблематизируется только благодаря сходству с несомненной типичной собакой, существующей в моем представлении. В принципе, мой ирландский сеттер Ровер обнаруживает все характеристики, относящиеся, согласно моему предшествующему опыту, к типу собаки. Однако то общее, что он имеет с другими собаками, мне совсем не интересно. Для меня он Ровер – друг и компаньон; в этом его отличие от прочих ирландских сеттеров, с которыми его роднят определенные типичные характеристики внешности и поведения. Я – без особых на то причин – не склонен видеть в Ровере млекопитающее, животное, объект внешнего мира, хотя и знаю, что всем этим он также является» [13].

Таким образом, в естественной установке повседневной жизни интерес представляют лишь некоторые объекты, находящиеся в соотношении с другими, ранее воспринятыми, образующими поле

самоочевидного и не подвергающегося сомнению опыта. А. Шюц говорит: «Результат избирательной активности нашего сознания – выделение индивидуальных и типических характеристик объектов. Вообще говоря, нам интересны лишь некоторые аспекты каждого особенного типизированного объекта» [13].

Исследователь М.М. Бахтин связывал типологическую определенность повседневности с особенностями разговорных бытовых жанров. Он пишет: «Мы научаемся отливать нашу жизнь в жанровые формы и, слыша чужую речь, мы уже с первых слов угадываем ее жанр ... с самого начала обладаем ощущением речевого целого, которое затем только дифференцируется в процессе речи» [13]. Примерно так же обстоит дело и с типами повседневных взаимодействий.

В концепции А. Шюца выделен ряд конечных областей значений: религия, игра, сон, художественное творчество, повседневность. По мнению исследователя, телесное предметное переживание реальности (как качество опыта повседневности), ее вещей и предметов составляет ее преимущество перед другими конечными областями значений. «Поэтому, – говорил Шюц, – повседневность является "верховой реальностью". Человек живет и трудится в ней по преимуществу и, отлетая мыслью в те или иные сферы, всегда и неизбежно возвращается в мир повседневности. Верховная власть повседневности обеспечивается именно связью повседневных дел и забот с физической телесностью действующего индивида» [13].

А. Шюц выделяет некоторые конституирующие элементы повседневности:

- 1) трудовую деятельность;
- 2) специфическую уверенность в существовании мира;
- 3) напряженное отношение к жизни;
- 4) особое переживание времени;
- 5) специфику личностной определенности действующего индивида;
- 6) особую форму социальности [13].

Подводя предварительный краткий итог проведенному анализу имеющейся литературы, можно сказать, что в зарубежной и отечественной социальной науке имеется значительный опыт изучения повседневности. Исследования в основном велись в русле аналитической философии и социальной феноменологии, при этом единой концепции повседневности на сегодняшний момент не существует.

4.3. Историческая эволюция семиотической системы повседневности

Рассмотрим повседневную жизнь человека через призму семиотических систем. Эти системы объединяют внутренний мир людей и внешние факты посредством знаков, служат средством отбора фактов культуры из ряда фактов социальных и обеспечивают культурную динамику.

В повседневной жизни можно выделить по крайней мере четыре класса знаков:

- цельные предметы (архитектура дома, дизайн утвари, костюм);
- управление действиями людей (меры, ориентиры, команды);
- знаки прогностики (приметы, гадания, знамения);
- знаки искусств (музыка, хореография, изобразительные искусства).

На указанные знаковые системы наложим еще один ряд: язык, обряды, средства исчисления, игры. Тогда картина эволюции этих знаково-символических систем в дописьменной культуре (I), в обществах индустриальной цивилизации (II) и культуре информационного общества (III) будет выглядеть следующим образом.

Архитектура: I – народная; II – культовых, крепостных, спортивных и дворцово-парковых сооружений; III – промышленная, транспортная, средств связи и других подобных сооружений.

Костюм: I – народный; II – сословный; III – современный в его функциональных разновидностях.

Дизайн утвари (мебель, посуда, орудия труда и быта, оружие): I – народная; II – изготовленная ремесленниками; III – изготовленная промышленностью на производстве.

Меры, средства и способы измерения: I – меры длины, равные длине фаланги указательного пальца (вершок), ладони, длине шага и т.п.; II – меры, стандартизированные в данной местности и соотнесенные друг с другом (большая сажень, маховая сажень, деньги и т.д.); III – международные стандарты мер, правила измерения.

Средства ориентирования: I – межи, местные предметы, тамги и подобные знаки; II – карты, планы, схемы, геральдика, реклама; III – компьютерные средства (компьютерная анимация и т.п.).

Команды: I – сигналы-команды голосом и жестом; II – сигналы музыкальными инструментами и звуками (выстрелы, петарды), зрительные сигналы (лампы, светофоры, подъем флага, семафоры и т.д.); III – автоматическая сигнализация (робототехника, команды в языках информатики и т.д.).

Приметы: I – местные (признаки болезни с их народными названиями, поведения домашних и диких животных); II – астрология, симптоматика в медицине, фенология; III – прогнозы погоды по радио и телевидению, социальная прогностика, техника анализов (в медицине, ветеринарии, физике, химии, биологии и т.д.).

Гадания: I – народные; II – мантические искусства: хиромантия, геомантия, каббалистика, на картах, эксперименты в науке и технике и т.д.; III – моделирование социальных и природных ситуаций с помощью моделирующих систем.

Знамена: I – явления природы, общества и состояния человека, не входящие в народные приметы и истолковываемые сведущими людьми; II – чудеса (описания в Библии и т.д.); III – манипуляция массовым сознанием при помощи средств массовой коммуникации (публик рилейшнз, пропагандистские кампании в СМИ и т.д.).

Музыка: I – пение и игра на народных музыкальных инструментах (музыкальный фольклор); II – придворная, литургическая, сценическая, камерная; III – популярная, в том числе поп-музыка.

Изобразительные искусства: I – народная орнаментика, народная скульптура, живопись природными материалами; II – иконопись, станковая живопись, ваяние из дерева, камня, металла, стенные росписи; III – фотография, кино, телевизионное искусство, компьютерная художественная анимация.

Хореография: I – танцевальный фольклор; II – культовый, придворный, бытовой, бальный, сценический танец; III – массовый танец.

Проведем небольшой анализ показанной эволюции форм символизации мира повседневного опыта. Остановимся на предметах бытового обихода. Они всегда обладали знаковым содержанием и потому характеризовали социокультурную принадлежность человека, пользовавшегося ими. Тога римлянина, зипун крестьянина свидетельствовали о социальном положении, но не о психологическом состоянии человека. Сейчас положение меняется: комбинация берета, кепи, шляпы с гимнастеркой, пиджаком или свитером, сапогами, кроссовками или мокасинами дает возможность человеку выразить свое индивидуальное самоощущение и эмоциональное отношение к действительности. Повседневная жизнь и ее инвентарь все больше берут на себя функцию эмоционального общественного самовыражения, которая так долго была монополией идеологии, слова, высокого искусства. Эстетика костюма преодолевает противоположность бытового и официального, соединяя «волю» первого и «красоту» и «приличие» второго [13].

Жизненная среда становится реальной формой существования искусства. Например, рок-концерт наряду с особой эмоцией, возникающей от переживания музыкального произведения, дает ощущение радости общения, так как люди свободно передвигаются во время концерта, испытывая чувство возрастной и социокультурной солидарности. Происходит раскрытие смысла произведения через среду. Телевидение, радио, домашняя звуко- и видеотехника позволяют искусству раствориться

в повседневной жизни. (В 1891 г. в зале Карнеги-холл Первый концерт Чайковского слушали 2 тыс. человек, а первое выступление рок-группы смотрели и слушали благодаря телевидению уже 73 млн.)

Знание также «разливается» в жизненной среде. Обнаруживаются узость и непроизводительность любой специализированной деятельности, лишенной широкой культурно-гуманитарной основы. Это вызывает поток научно-популярных журналов, телевизионных передач и т.д. Так решается кардинальная проблема эпохи – проблема взаимоотношений высокой культуры с низкой, повседневной жизнью – с растворенными в ней и моделируемыми ею культурными смыслами. В то же время проблемой является потеря своих ориентиров так называемой высокой культурой. Начинается эпоха поиска новых смыслов. Возможно, смыслы изначально заложены в мироздании и «распаковываются» множеством различных способов, в том числе и жизненным путем человека, проходящего через страдания [13].

4.4. Методы изучения повседневности

Тема повседневности прочно вошла в сферу современного научного интереса и уже успела образить собственной традицией. Стали появляться исследования проблем бытовой культуры, образа жизни в различные эпохи, философские осмысления обыденности. Большинство социологов феноменологической ориентации занимаются изучением повседневности. В традиции лингвистического анализа Л. Витгенштейн обратился к обыденному языку, вернув ему самостоятельное значение. Во французском структурализме исследования Р. Барта в области мифологии обыденной жизни представляют определенный интерес.

Изучение повседневности вводит культурно-исторические явления в проблемное поле науки. Очень долгое время отечественная наука не учитывала этот аспект, уделяя основное внимание материальным или духовным ценностям. Но реальное Бытие пронизано человеческой телесностью, его поведением, бытовой сферой. Человек строит свою реальную жизнь, «вписывая» свое тело в господствующие нормы и правила, стремясь соответствовать идеальным канонам. Каждая историческая эпоха формирует свои каноны, свою символику правил человеческого поведения, подчеркивая эти символические принципы запретами и разрешениями, устанавливая границу между нормой и патологией человеческого существования [4].

Изучение проблем повседневности требует от исследователя привлечения разнообразных методологических принципов. В современном поле науки все чаще и чаще на первый план выходят проблемы, которые требуют междисциплинарных исследований. Создавая схемы понимания

повседневности, исследователь включается в диалог гуманитарных и естественных наук. Именно такой подход позволяет осуществить «прочтение» структур повседневности. Научные методы очень часто опираются именно на ту реальность, в которой находится сам исследователь, поэтому они неразрывно связаны друг с другом. Изучение повседневности позволяет взглянуть на систему культурного развития в ее эволюции.

Поведение, нормы, ценности тех или иных социокультурных групп – все, что включает в себя понятие повседневность, – иногда представляются необычными для посторонних наблюдателей. Однако эти странности могут говорить о важных моментах жизнедеятельности общества, его глубинных аксиологических процессах.

Культуры формируют разнообразные тексты поведения людей. В социокультурных системах вырабатываются и функционируют сложные стандарты жизнедеятельности. Они охватывают все сферы человеческой жизни и выражаются в особых символических формах: обрядах и ритуалах, художественных стилях и религиозных представлениях, стереотипах сознания и поведения и т.д. Поведение достаточно точно отражает специфику конкретной исторической эпохи и происходящие в ней изменения. Оно, сформировавшись на основе ценностно-нормативных систем, выступает ключом к прочтению смысла конкретной исторической эпохи. При изучении поведения необходимо учитывать то, что чем сложнее система, тем большее место в ее жизнедеятельности занимают самоорганизация и саморегуляция деятельности ее членов.

Анализируя историко-культурный процесс, люди сталкиваются с калейдоскопом поведенческих правил, которые определяют взаимоотношения старших и младших, мужчин и женщин, правителей и подданных. Каждая историческая эпоха формирует свои доминирующие модели поведения. То, что для одной эпохи было несущественно, в другой период могло восприниматься в качестве символического жеста или поступка (например, в средневековой России простое прикосновение к постели правителя воспринималось как глубочайшее оскорбление). Изучение поведенческих текстов позволяет проследить за происходившими изменениями в глубинных пластах культуры конкретной исторической эпохи. Изучая повседневность через господствующие нормы поведения, ученые воссоздают неповторимый колорит прошедших эпох. Повседневность должна занять в процессе междисциплинарных исследований подобающее место, поскольку это может помочь созданию реального представления о жизни людей прошлого [4].

Повседневность является основой и необходимой предпосылкой исследований в социальных науках, но почти никогда не становится их темой. Занимаясь изучением повседневности, исследователь ощущает себя

непосредственно включенным в живую историческую цепь. В рамках понимающей социологии еще М. Вебер, А. Шюц и другие ученые сформулировали в качестве базисной характеристики социального познания положение, согласно которому исследователь с необходимостью вовлечен в объект исследования и неотделим от него.

В поисках путей, позволяющих приблизиться к пониманию прошлого непосредственно через его субъекта и носителя – человека, наука рассматривает понятие «повседневная жизнь» в качестве интегративного метода познания, который предоставляет возможность реконструировать историческое бытие в его тотальности, осмыслить внутренние социальные, психологические связи, проступающие в реалиях повседневности. Среди методов изучения повседневности стоит выделить качественный анализ документов (thick description). Особое внимание при работе с текстом источника уделяется существительным, обозначающим бытовые реалии [11].

Круг источников для изучения повседневности весьма широк.

1. Источники, дающие сведения о реалиях культуры повседневности:

1) природные, градостроительные и другие – естественная и искусственно созданная среда обитания (рельеф, климат, флора, фауна, поселения разного типа, коммуникации);

2) массовые (демографические) – документы, в которых фиксируются рождения, браки, разводы, смерть; удостоверения личности разного рода, членские билеты и др.;

3) вещественные – здания (внешний вид, планировка помещений), мебель, предметы интерьера, посуда, одежда, бытовые вещи, детские игрушки (зачастую представляют собой реалии «взрослой жизни», не дошедшие в оригинале);

4) изобразительные – рисунок, живопись, гравюра, фотография, хроника, документальное кино, телевизионные программы;

5) письменные – нормативные издания и руководства, в том числе иллюстрированные (правила хорошего тона, объяснения правил разного рода игр, учебники, словари, письмовники, разговорники, сонники, кулинарные книги, модные журналы, каталоги и т.д.);

6) описи вещей, описания музейных коллекций и собраний, архитектурные проекты, планы городов, карты, официальные отчеты, статистика, материалы обществ и комиссий по изучению быта и т.д.;

7) объявления, афиши, обертки, театральные и концертные программы, плакаты, меню, открытки и т.д. (данные объекты являются одновременно и вещественными источниками, и письменными).

2. Материалы, представляющие наряду с реалиями культуры повседневный контекст их восприятия: источники личного происхождения: дневники, переписка, мемуары; художественная литература; публи-

цистика; пословицы, поговорки, анекдоты; карикатуры; художественное кино.

Среди вышеперечисленных источников выделяются наиболее информативные, а также встречаются специально созданные для описания (фиксации) реалий повседневной жизни (например, дневниковые записи, письма). Назначение ведущихся изо дня в день записей различного содержания заключается в накоплении и сохранении информации для ее анализа в будущем. Таким образом, в разряд дневников включают также записные книжки, рабочие блокноты с записями, полевые книжки, календари с записями и пометками, алфавиты адресов и телефонов [13].

Н.Н. Козлова подчеркивает, что по сравнению с письмами и воспоминаниями дневниковые записи представляют собой более непосредственную форму самовыражения личности (в идеале – наедине с собой). Поверяя бумаге свои наблюдения, чувства, мысли, автор дневника обычно не предполагает постороннего читателя (автокоммуникация). Он как бы смотрится в зеркало, которое может отражать разное в зависимости от того, видит ли автор «эпоху в себе» или «себя в эпохе», обращает ли внимание в первую очередь на внешние обстоятельства или на свою внутреннюю самость, на семейные и матримониальные события или на интеллектуальное развитие. Принятые в ту или иную эпоху и в том или ином социальном слое способы словесного описания – по отношению к тексту дневника – становятся чрезвычайно важными и настолько значимыми, что переформулируют вопрос о достоверности этого вида источников (в качестве недостатка следует оценивать не столько содержащийся в них вымысел, сколько неумышленные или сознательные умолчания) [5].

Дневниковым записям, выступающим источником для изучения повседневности, стоит уделить особое внимание хотя бы потому, что сами слова «дневник» и «повседневность» содержат общий корень.

Создавая дневник, человек изо дня в день накапливает в нем факты из жизни, свои чувства и эмоции, реакцию на события, произошедшие непосредственно с ним или услышанные им от других лиц, впечатления от встреч и разговоров с другими людьми, надежды на будущее. О подобном тексте можно сказать, что это частица жизни того, кто его создал. Однако это не только лично пережитое. Так называемый индивидуальный жизненный опыт включает разные компоненты. Его можно рассматривать и как преимущественно рассказ о себе, направленный внутрь, и как рассказ о третьих лицах, значимых для автора встречах, т.е. рассказ, направленный вовне. Иначе говоря, в любых дневниковых записях, как правило, существуют две повседневности. В них отражена повседневная жизнь окружающего мира и повседневная жизнь автора. Реконструируя их,

следует помнить, что дневник не существует изолированно. Он является результатом комплексного взаимодействия материала и потребностей, мотивов, целей автора в момент его написания. Исследователь вынужден иметь дело с двойной селекцией: бессознательной и сознательной.

Связь формы текста с жизненным опытом и процесс отражения опыта в дневниковых записях выступают как проблема обусловленности текста переводом невербальных образов памяти в вербальные образы текста.

Реконструкция личной жизни и судеб отдельных индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира, всех сохранившихся следов их деятельности рассматриваются не только как главная цель исследования, но и как адекватное средство познания того исторического социума, в котором люди жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали. В фокусе исследования оказываются внутренний мир человека, его эмоционально-духовная жизнь, отношения с родными и близкими в семье и вне ее. При этом индивид выступает и как субъект деятельности, и как объект контроля со стороны семейно-родственной группы, круга близких, формальных и неформальных сообществ, социальных институтов и властных структур разного уровня.

Содержание дневников как документов личного происхождения часто полифонично: один и тот же автор мог оставить в них свидетельства, существенные для изучения очень разных тем. Поэтому единая общепринятая классификация подобного рода текстов не выработана. Наибольшее распространение получила их группировка по двум признакам: преобладанию тематико-хронологического содержания и социально-профессиональной принадлежности автора.

В дневниковых записях имеет место селекция повседневности: текущие события фиксируются выборочно, что определяется свойствами личности их создателя. Дневник выступает средством работы человека с воспоминаниями о происшествии дня, пропущенными через внутреннюю цензуру, в результате которой дискретные события объединяются в цельное повествование. В этом проявляется собирательная роль автора по отношению к хаосу фрагментов повседневности прошлого. Частица повседневной жизни, которую доносит дневник, очерчивается самим автором по его усмотрению.

Ведение подневных записей длительное время свидетельствует о намерении автора писать дневник для себя. Заполнение его страниц не только становится привычкой, но и постепенно превращается в необходимость и даже в средство нравственной гигиены [3].

Особый интерес представляют записи людей, стоящих ниже порога официальной культуры. Обычно такие люди не оставляют письменных

свидетельств о своей жизни. Как правило, исследователи ими не занимаются не только потому, что пренебрегают повседневностью простых людей, но и потому, что читать подобные документы очень трудно. Они написаны на нелитературном языке, без точек и запятых, с орфографическими и стилистическими ошибками. Что-нибудь вроде следующего: *«Надо отминит несправыдливое укас Сталина и поставит спровидливозт раз историе болезни написано инволит отечиствино войны то мы должны быть все одинакова... А сичас что получается инволит войны 2 группы пришил в белой рубашки при галстукe в полботинках А инволит 3 группы в куфайки и кирзовых сапогах»* (письмо в газету «Труд», 1991 г.) [5]. А иногда при чтении письма возникает ощущение, будто в человека заложена машинка, которая пишет за него.

Рассмотрим другой случай, когда обе разновидности письма как бы смешаны: в поток неграмотной речи вкраплены клише речи казенной (заимствованной из газет, радио- и телепередач и т.д.), в самодельный язык вставлены слова из казенного дискурса. Как правило, это случаи неуспешного воспроизведения официальной речи. Так происходит, когда, например, пишущий цитирует газетную статью, а затем переходит на свой стиль. Есть такие отрывки в тексте, написанном «героиней» Н.Н. Козловой – Евгенией Киселевой: *«Одным из критериев основных в выборах партнеров для нас является степень Новизны того или иного Технологического решения нередко такие варианты предлагают средние и даже мелкие фирмы опроентированные в своей структуре на внешний Рынок расширение делового сотрудничества на этом уровне мы также щитаем нашим дополнительным резервом. Начерта нам оны нужны ихние фирмы, у нас всего хватает наша страна такая богатая мы и без них обойдемся, душегубы проклятые я уже 47 лет плачу, и немогу фильмы смотреть как я уже писала что ихние сапоги с подковами звенять днем и ночу в ушах я кино в Телевизоре выключаю за них»*.

Есть тексты о жизни, авторы которых цитируют обращения в официальные органы, которые они сами туда и посылали [5].

Огромный интерес представляют человеческие документы, где прослеживаются разные типы письма в эволюционной последовательности. Все начинается с самодельного ручного письма, а заканчивается нормальным литературным.

В целом изучение повседневности при помощи личных источников (писем, дневников, мемуаров) представляется наиболее интересным, поскольку мы сталкиваемся с «живым» материалом, дающим массу возможностей для реконструкции повседневности того или иного периода. В то же время другие источники являются не менее информативными. В любом случае, обращаясь к изучению повседневности, исследователь заметит, что изменения «снизу» начинают происходить раньше и совсем

по-другому, чем изменения «сверху». Так происходило и в российской истории.

В России сейчас меняется не только экономический и социально-политический строй, но и повседневность. При этом изменения в повседневной культуре являются более радикальными и глубокими, чем в официальной культурной жизни (реклама, система менеджмента качества, новый дизайн, заимствованные слова и обычаи, социальное расслоение, массовое потребление, стиль поведения и т.п.). Именно поэтому, изучая повседневность, исследователь получает представление о тенденциях, которые еще заметны на институциональном уровне.

Таким образом, при исследовании повседневности внимание антропологов обращено на два ее основных аспекта:

содержательные компоненты, в качестве которых выступают обстоятельства совместной жизни людей, их взаимодействия, осознающиеся ими как естественное состояние, как собственная, частная сфера жизни, сфера будней «человека с улицы»;

способ организации такого содержания (устоявшиеся алгоритмы и процедуры, с помощью которых осмысливается и демонстрируется поведение).

Контрольные вопросы и задания

Проведите наблюдение в течение 30 минут в любом публичном пространстве, опишите его в дневнике.

Объем дневника наблюдения – 700–2 500 слов.

Варианты публичных пространств для наблюдения:

- 1) улица, площадь, двор, парк, детская площадка;
- 2) рынок, магазин, торговый центр;
- 3) кафе, бар, клуб, театр;
- 4) больница, банк, кладбище;
- 5) общественный транспорт (автобус, трамвай, троллейбус, метро);
- 6) публичные события (городской праздник, демонстрация, концерт, акция).

В дневнике наблюдения необходимо отразить (в любом порядке):

- 1) дату, время, место;
- 2) все, что происходит во время наблюдения;
- 3) описание участников;
- 4) действия участников / их деятельность;
- 5) взаимоотношения и взаимодействия, конфликты;
- 6) описание пространства + окружающей материальности;
- 7) физические ощущения (запахи, звуки и т.д.);
- 8) происходящие события;
- 9) собственные чувства.

Стиль дневника наблюдения может быть любым (например, эссеистским, академическим, неформальным и т.д.). В дневник должны быть включены фотографии и план наблюдаемого пространства.

Посмотреть, как пишут дневники и как их анализируют, можно в интернете по ссылке: <https://arzamas.academy/courses/81>.

Глава 5. Методы социально-антропологического исследования

5.1. Система методов социальной антропологии

Специфика социальной антропологии раскрывается через методы, используемые данной наукой при решении теоретических и практических задач. Широко применяются методы эмпирического познания, включающие в себя наблюдение, анализ документов, опросы.

Группа аналитических методов позволяет объяснить глубинный смысл происходящих явлений, провести сравнение, аналогию, выявить общие черты и свойства. К таким методам относятся сравнительно-исторический, типологический, метод пережитков, метод культурных универсалий.

Сравнительно-исторический метод, или кросскультурное исследование, – это анализ сходства и различий между сообществами и их культурами.

Типологический метод основан на выявлении общего и особенного в многообразии явлений. Основное понятие типологического метода – категория «идеальный тип», понимаемая как некая идеальная модель, содержащая в себе главные признаки многих явлений и процессов.

Метод пережитков – это воссоздание прошлых, исчезнувших событий по их сохранившимся чертам и признакам. В культуре народов имеются штрихи прошлого, на основе которых можно судить об особенностях жизни людей на более раннем историческом этапе.

Метод культурных универсалий – это определение таких ценностей, традиций и правил, которые присущи культурам всех народов мира. Американским антропологом Дж. Мердоком были проанализированы более 70 универсалий, среди которых важнейшими являются кооперация труда, образование, этикет, семья, брак, фольклор, родственные группы, язык, закон, личное имя, религиозные ритуалы, статусная дифференциация.

Особое место в социально-антропологических изысканиях занимают монографические исследования, заключающиеся в подробном изучении нового явления с теоретической и практической целью. В качестве

монографического исследования может выступать какая-либо этническая общность, например племя, ведущее уединенный образ жизни.

Изучение жизнедеятельности людей – это достаточно длительный процесс, требующий неоднократного возвращения к одним и тем же вопросам. Активно используются повторные изучения, представляющие собой цепочку однотипных исследований, проводимых по единым правилам через определенные временные промежутки. В результате исследователь получает информацию о динамике изменения объекта. Повторные исследования подразделяются на лонгитюдный и когортный анализы. Лонгитюдный анализ – это изучение какой-либо социальной общности на протяжении определенного времени; когортный – исследование одного поколения людей в течение длительного времени.

Специальной формой социально-антропологического изучения является полевое исследование, т.е. непосредственное наблюдение за поведением людей в реальной действительности. Обязательное условие – присутствие ученого на объекте, часто связанное с выездом к месту постоянного проживания какой-либо общности. Одним из основных методов социальной и культурной антропологии является метод включенного наблюдения. В социальных исследованиях он имеет давнюю историю. Социология позаимствовала его из этнографических и антропологических студий, и до настоящего времени работы, написанные с использованием этого метода, часто несут в себе черты всех трех областей знания.

Как известно, метод включенного наблюдения относится к так называемым качественным методам, пригодным для рассмотрения конкретных ситуаций поведения отдельных индивидов и небольших групп. Применяется этот метод обычно там, где использование количественных методов затруднено по причинам, чаще всего связанным со спецификой изучаемого сообщества. Прежде всего оно (в силу своих особенностей) должно отторгать такие способы сбора эмпирических данных, как, например, опрос или анкетирование, и не иметь достаточного количества документов для возможного анализа. Кроме того, такое сообщество должно быть весьма закрытым, так как опрос предполагает наличие открытой коммуникации между собеседниками. Респондент должен понимать, о чем и зачем его спрашивают; согласиться отвечать, причем (по возможности) правдиво. Ученые отмечают ряд сложностей. Первая – это проблема сохранения дистанции, необходимой для объективности исследователя. Апологеты дистанцирования настаивают на том, что максимальная включенность в дела группы может как привести к потере объективности самим исследователем, так и повлиять на конечный результат тем, что ученый своим присутствием в группе изменит возможный ход тех или иных событий. Их противники возражают, что без включения в группу

невозможно понять, каково в ней распределение ролей и функций, как работают коммуникативные каналы и формируются ценностные ориентации. Они считают, что именно дистанцирование от группы ведет к предвзятости, поскольку исследователь оказывается во власти привнесенных извне методологических установок, а также личных убеждений и предубеждений.

Изучая закрытые сообщества и стремясь объяснить, по каким принципам они существуют, ученый чаще всего использует две точки зрения. С одной стороны, он выступает представителем научного сообщества, т.е. структуры, которая является внешней по отношению к изучаемой группе. В этом качестве ученый способен сохранять объективность. Именно на этой позиции происходят интерпретация полученных фактов и выявление структурных связей и коммуникативных каналов изучаемого сообщества, создание его адекватной рабочей модели. С другой стороны, при сборе материала оставаться на такой отстраненной позиции часто непродуктивно, и ученый должен уметь посмотреть на изучаемое сообщество изнутри, т.е. с точки зрения самих его представителей, в том числе учесть их отношение к тем, кто составляет внешнее для группы окружение. Содержание и ценность полученной в ходе бесед информации напрямую зависят от того, какую позицию в группе занимает респондент.

Ученые, не принимающие во внимание статус индивидов в изучаемой группе, нередко впадают в крайности. Некоторые, находясь практически на позиции невключенного наблюдателя и не стремясь к тесному взаимодействию с изучаемой группой, опрашивают тех ее представителей, которые отмечены как относящиеся к искомому сообществу и при этом соглашаются поговорить с исследователем. Однако если речь идет о неформальном сообществе, сознательно отмежевывавшемся от остальных, то опрос некоторых случайно встреченных его членов не даст полной и ясной картины сразу по нескольким причинам. Во-первых, нарушенным окажется один из фундаментальных законов социологических исследований, согласно которому для репрезентативности результатов должны быть изучены все слои или подгруппы сообщества. Кроме того, ученого могут сознательно дезинформировать, так как многие представители неформальных сообществ не испытывают положительных эмоций от перспективы стать объектом исследования. Для них ученый – это такой же «аутсайдер», представитель среды, к которой данное сообщество может относиться с недоверием или даже враждебно. Помимо нежелания ученого включаться в изучаемую среду, есть и другая крайность. Исследователь может интервьюировать лишь наиболее образованных, компетентных и авторитетных представителей сообщества. Это, безусловно, позволит собрать много интересной информации,

Все указанные процессы исследователь способен осуществить, если по уровню знаний о сообществе он примерно равен его старожилам. Подобное для стороннего наблюдателя, не входящего в группу, вероятно, просто не представляется возможным. Поэтому, несмотря на все опасности утраты объективности и отождествления себя с группой, для современного ученого, желающего собрать данные о жизни закрытых сообществ, включенное наблюдение остается эффективным рабочим методом [6, с. 179].

Важнейшей составной частью культуры является язык, поэтому антропологи обращают особое внимание на его изучение. Работа через переводчика считается менее квалифицированной, чем без него. Антропологи считают, что надо очень хорошо знать язык изучаемого народа, чтобы понимать культуру изнутри. Включенное наблюдение предполагает длительное проживание среди тех, кого изучают. Антрополог должен быть готов несколько месяцев, а то и лет провести в изучаемой общности: жить, как они, питаться, как они и т.д. [1].

Анализ случая в социальной антропологии – это определенный способ сбора данных, представленных в виде рассказов людей о событиях, происшествиях, случаях, имевших место в их жизни или услышанных ими. Анализ случая дает представление о традиционно-бытовой культуре народов и является углубленным выборочным исследованием какого-либо аспекта на определенном объекте.

Социографический метод – это распространенный прием исследования, используемый многими науками. В рамках социографического исследования описываются социальные явления, обобщаются статистические данные, а личные наблюдения получают теоретическое оформление.

Биографический метод применяется для изучения этапов и всего жизненного пути отдельных людей и поколений. Привлекаются такие личные документы, как дневники, автобиографии, частная переписка и т.д. Биографический метод расширяет сферу исследования, позволяя заглянуть в такие области познания, которые существовали задолго до начала изучения проблемы. Биографический метод является своеобразным отчетом о пройденном жизненном пути. Это не произвольный рассказ, а организованный и контролируемый исследователем сбор данных.

Научный эксперимент представляет собой прием, с помощью которого осуществляется наблюдение за тем, как изменяются то или иное явление, ситуация, процесс, если целенаправленно трансформируются его характеристики. Социальная антропология использует две основные формы эксперимента: полевую и лабораторную. Полевой эксперимент осуществляется в естественных условиях; лабораторный

эксперимент – это моделирование деятельности человека и социальной группы в искусственно созданных условиях. Вариантами научного эксперимента являются социодраматургический, этнометодологический и социоисторический эксперименты, наиболее часто применяющиеся в социальной антропологии.

Социодраматургический эксперимент представляет собой не только исследование социального взаимодействия, но и создание искусственных условий среды, в которых люди начинают вести себя иначе, проявляя скрытые черты и качества. Этнометодологический эксперимент является более жестким по сравнению с социодраматургическим, так как он изменяет привычную среду и, раскрывая отдельные ее стороны, ставит людей в непривычные и сложные обстоятельства. Социоисторический эксперимент используется в ходе изучения прошлого человечества. При недостатке материальных источников информации, в первую очередь письменных, социальные антропологи реконструируют те условия, в которых находились люди в далекое от нас время. При проведении крупномасштабных исследований ученые не ограничиваются одним видом эксперимента, а используют сразу несколько, что дает возможность получать достоверное знание.

В качестве дополнительных методов в социальной антропологии применяются методы физической антропологии. К ним относятся антропоскопия (описательная методика), антропометрия (измерительная методика), антропологическая фотография, картографирование расовых признаков [12].

Одним из важнейших методов является этнографический. К нему относятся включенное наблюдение и глубинное интервью. Этнографическая научная работа отличается более долговременным характером исследования, вживанием в субкультурный контекст, применением качественных методов, особым этическим подходом к анализу данных и предмету исследования. Современное антропологическое исследование обладает всеми чертами интерпретативного подхода, который рассматривается как определенная практика истолкования результатов исследования.

Этнографический метод характеризуется особенностями научного повествования, использованием таких подходов, как жизненные истории, срезы жизни; представлением своего субъективного взгляда; простым языком (часто от лица обычных людей), предполагающим социальный реализм и научную достоверность. В качестве объектов этнографических исследований выступают различные группы, субкультуры, общественные движения, индустриальные предприятия, школы, больницы, тюрьмы, интернаты для людей с умственной отсталостью, дома престарелых, воинские части и подразделения и т.п.

Еще одним широко используемым методом социокультурной антропологии является сравнительный метод. Его сущность заключается в сопоставлении сходных обычаев или верований в разных культурах, в выявлении их причинной обусловленности и общих законов. Исследователи уже давно заметили, что у самых разных народов имеется сходство в обрядах, обычаях, верованиях. На раскрытие таких универсальных идей как раз и направлен сравнительный метод. Однако задача антрополога этим не ограничивается. Он должен ответить на вопросы: откуда они взялись и как утвердились в разных культурах? По мнению А.Р. Рэдклифф-Брауна, сравнительный метод представляет собой такой метод, благодаря которому мы переходим от частного к общему и от общего к еще более общему, надеясь подойти к универсальному, т.е. к характеристикам, которые в тех или иных формах могут быть обнаружены во всех человеческих обществах. Сравнительный метод широко использовали Дж. Мак-Леннан, Г. Спенсер, Э. Тайлор, С.Р. Штейнмец, А.Р. Рэдклифф-Браун, Дж. Мердок и др. Антропологи отмечают наличие двух типов сравнительных исследований: широких статистических исследований на основе имеющихся источников; узких конкретных исследований на основе полевой работы. Примером первого типа является книга американского антрополога Дж. Мердока «Социальная структура», представляющая собой статистическое исследование института семьи, охватывающее 250 обществ. Примеры второго типа: исследование Э. Дюркгеймом религии аборигенов Центральной Австралии, очерк М. Мосса об эскимосах. Некоторые известные антропологи – сторонники второго типа исследований. Так, Ф. Боас выступал против простого сопоставления сходных обычаев и верований. Он предлагал детальное изучение обычаев в контексте всей культуры практикующего их племени и с учетом их географического распространения у соседних племен. По его мнению, такой подход позволяет с большой точностью определить причины возникновения этих обычаев и психологические процессы, обусловившие их развитие.

В антропологических исследованиях могут использоваться и другие методы, к числу которых относятся различного рода опросы, изучение документов; теоретические методы: эволюционизм и неозволюционизм, функциональный анализ, структурно-функциональный анализ, интерпретативный подход и др.

Специфический уровень методологии социальной и культурной антропологии образуют конкретные методологические установки и методы, применяемые в ходе исследований [12, с. 79].

5.2. Принципы социально-антропологических исследований

Какими принципами руководствуется социальная и культурная антропология? Представители этой науки подходят к культуре разных народов с позиции культурного релятивизма. Это такой принцип рассмотрения другой культуры, когда она изучается на основе ее собственных ценностей и в ее собственном контексте. Культуры не сравниваются друг с другом с точки зрения прогрессивности и отсталости. Все культуры рассматриваются как самобытные и равноправные. Культурный релятивизм противостоит этноцентризму, который означает изучение других культур с позиции превосходства своей собственной. Этноцентризм находил выражение в деятельности миссионеров, которые стремились обратить варваров в свою веру. Этноцентризмом была отмечена деятельность первых антропологов, которые были склонны сравнивать все культуры со своей, самой передовой.

Антропологический подход не является какой-то универсальной отмычкой в вопросах познания человека, культуры и общества. Познавательные возможности его достаточно велики, но не беспредельны. Основной недостаток данного подхода связан с его сущностными особенностями, с тем, что он применяется преимущественно на микроуровне, на уровне локальных общностей. Вследствие этого имеются ограничения в возможности обобщений и выводов. Результаты, полученные на основе изучения отдельных локальных общностей, не могут быть без поправок и оговорок перенесены на всю генеральную совокупность, т.е. на все общество.

Еще одно ограничение связано с особенностями объектов антропологического познания. Речь идет о том, что значительное число объектов по различным причинам (чаще по административным) закрыто для проведения антропологических исследований. В первую очередь это относится к воинским частям и подразделениям, доступ в которые ограничен из-за их специфики. Подобные трудности могут встретиться и во многих других социальных организациях: предприятиях народного хозяйства, государственных организациях и учреждениях и т.п. Значительные проблемы связаны также с отсутствием подготовленных кадров, способных организовать и провести подобные исследования. Кроме того, имеются этические ограничения, с которыми ученые также должны считаться.

5.3. Особенности антропологического подхода к изучению человека, культуры и общества

Антропологический подход к исследованию человека, культуры и общества характеризуется особым стремлением к объективности. Рассматривая эту особенность, необходимо признать, что объективность

подхода к изучаемым явлениям провозглашает не только антропология, но и многие другие науки, однако антропология выделяется в их ряду своими специфическими приемами. В числе этих приемов следует отметить так называемый эмик-подход, противостоящий этик-подходу, и приверженность натурализму, в отличие от приверженности экспериментаторству.

Эмик-подход характеризуется тем, что в его основе лежит стремление понять изучаемую культуру изнутри. При этом исследуется только одна культура; используются специфические для изучаемой культуры единицы анализа и термины; любые культурные элементы изучаются с точки зрения ее носителей.

Особенностью этик-подхода является изучение двух и более культур со стремлением объяснить межкультурные различия и межкультурное сходство. При этом применяются единицы анализа и сравнения, которые считаются свободными от культурного влияния. Исследователь занимает позицию внешнего наблюдателя по отношению к изучаемой культуре. Структура исследования, категории и гипотезы конструируются ученым до начала полевой работы.

Для антропологии более характерен первый подход (эмик), а для психологии – второй (этик). Использование этик-подхода приводит к определенным недостаткам большинства сравнительно-культурных исследований, к числу которых можно отнести использование учеными схем мышления и категорий своей культуры. В этом случае получается, что специфика своей культуры налагается на феномены других культурных систем.

Натуралистичность антропологии означает, что она использует естественные методы, которые не вносят искажение в изучаемые феномены. Элементы культуры наблюдаются в естественных условиях; методы и процедуры, применяемые в исследовании, проявляют особую чувствительность к социальному и культурному контексту.

Экспериментальный подход, характерный для психологии и социологии, заключается в том, что он предполагает использование методов, которые привносят большее искажение в результаты исследования [8, с. 322, 323]. Антропологический подход отличается микроуровнем исследования. Представители социальной и культурной антропологии всегда изучали общества, основанные на личных связях, на конкретных взаимоотношениях между индивидами. Они исследуют общности на локальном уровне, уровне изолированного племени, деревни, предприятия или учреждения. Основным объектом является область повседневных взаимодействий в рамках жизненного мира человека. Исследователь изучает то, что может быть объектом наблюдения, что может быть постижимо интеллектуально и эмоционально индивидуальным сознанием. Антропологический подход отличается целостностью анализа, заключающегося в том, чтобы видеть в

социальной жизни систему, все аспекты которой тесно связаны между собой. При этом антрополог не отрицает значения специализированных исследований, проводимых социологами, социальными психологами, экономистами, юристами, политологами, однако сам он делает упор на целостном изучении социальных и культурных явлений. «Антропология, – подчеркивает Ю.М. Резник, – всегда рассматривала человека и культуру как целостные образования, требующие системного и комплексного изучения. ... Целостное познание целостной культуры преследует в качестве основной цели изучение родового человека, т.е. раскрытие родовых, сущностных сил человека, к разнообразию проявлений которых можно свести все содержание культуры. Антропологический взгляд на культуру того или иного народа, региона во все времена был связан с попыткой выявить антропологические и культурные универсалии, лежащие в основе человеческой жизни и деятельности» [12]. Одной из особенностей антропологического подхода является взгляд с точки зрения изучаемой культуры. Если социолог рассматривает собственное общество, описывая и объясняя его собственными логическими категориями, то антрополог ставит перед собой задачу понять точку зрения наблюдаемого в системе его значений. К. Леви-Стросс подчеркивает: «По мере того как социология прилагает усилия к тому, чтобы создать социальную науку об обществе с точки зрения наблюдателя, антропология пытается разработать науку с точки зрения наблюдаемого» [8]. Антрополог всегда спрашивает людей: как это выглядит с их точки зрения? почему необходимо понимать точку зрения наблюдаемого? Дело в том, что культуры не совпадают между собой по самым различным аспектам: материальным и духовным, ценностным и нормативным, знаково-символическим и мотивационным, игровым и художественным. Цели, к которым принято стремиться в одном обществе, не могут считаться само собой разумеющимися в другом (например, стремление к богатству). Одна и та же мотивация может не работать в разных социокультурных группах. При этом антрополог «не должен ограничиваться только точкой зрения наблюдаемого, он обязан принимать во внимание и свою точку зрения как наблюдателя, чтобы представить результаты исследования в терминах, понятных в собственном обществе» [12, с. 95–110].

Методологические основы социальной и культурной антропологии могут быть рассмотрены как система, включающая несколько уровней:

- 1) уровень философской методологии, связанный с применением идей философских учений;
- 2) уровень методологии, разработанный в рамках социальной и культурной антропологии;
- 3) специфический уровень конкретных методологических установок и методов, применяемых в антропологических исследованиях.

Важный уровень методологии социальной и культурной антропологии основан на использовании различных философских учений. В числе этих учений следует выделить позитивизм, теоретико-методологическую концепцию В. Дильтея, неокантианство, феноменологию, психоанализ, этологию и др.

Второй уровень методологии образуют теоретические концепции и вытекающие из них методологические принципы, разработанные в рамках самой социокультурной антропологии.

Специфический уровень методологии образуют конкретные установки:

антропологический подход характеризуется особым стремлением к объективности, которая реализуется при помощи специфических приемов (эмик-подхода, приверженности натурализму);

антропологический подход микросоциален: здесь внимание сосредоточивается на изучении малых сообществ; акцент делается на изучении общинных или общностных отношений (племени, этноса, сельской или городской общины, семьи, дружеского сообщества);

имеется целостный подход к изучаемым явлениям;

есть взгляд с точки зрения наблюдаемых;

преобладает интерес не к индивидуальному уровню, а к популяционному;

включенное наблюдение, глубинное интервью, сравнительный анализ являются основными методами социальной и культурной антропологии.

Контрольные вопросы и задания

1. Посмотрите интересующие вас темы по курсу «Антропология», ссылка в интернете: <https://arzamas.academy/courses?category=people>.

2. Проведите анализ социальных медиа, исследуйте способы культурной самопрезентации.

Лучше начать с выбора группы пользователей в одном из социальных медиа, которыми вы пользуетесь. Если этих платформ несколько, вы можете менять их в следующие пять недель. Следует выбрать от 10 до 20 человек из тех, кто пользуется той же платформой и с кем вы знакомы в офлайне. Пусть это будут разные люди: мужчины и женщины, юные и постарше. Могут быть и другие различия, которые кажутся вам интересными: старшекурсники и студенты младших курсов, тип занятости и др.

Заведите полевой дневник. В нем вы перечислите выбранных людей. Это может быть просто текстовый документ на вашем компьютере, а может быть и бумажный блокнот. Классифицируйте список (например, «друзья», «семья», «коллеги по работе», «одногоруппники» и другие категории, которые вы будете анализировать). Во время курса этот

образец будет использоваться для проведения систематического анализа.

Для начала подумайте о том, что вы знаете об этих людях в офлайне и как это может помочь вам понять, что они делают в интернете. Выберите трех человек из списка, которые в последние дни были особенно активны в социальных медиа. Посмотрите на их последние десять постов на выбранной вами платформе. Затем запишите в полевом дневнике ответы на следующие вопросы:

1) Они ведут себя похожим образом в офлайне и в интернете? Есть ли что-то, что вы узнали о них из социальных медиа (или наоборот)?

2) Как вы обычно общаетесь с ними в социальных медиа? Шутите, спорите, лайкаете их посты?

Данное задание стимулирует вас думать этнографически, потому что антропологи изучают поведение людей в интернете, в то же время обращая внимание и на то, что происходит вне сети.

Сравните свои идеи и результаты с результатами других участников этого курса в комментариях. В своем комментарии укажите страну, в которой живете, чтобы можно было понять, есть ли у ваших выводов региональная специфика.

Библиографический список

1. Бажуков В.И. Социальная и культурная антропология: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2022. 357 с. URL: <https://urait.ru/bcode/489888> (дата обращения: 06.05.2022).
2. Гаранина О.Д. Априорный образ Homo sapiens informativus: реальность и парадоксы существования нового типа личности // Социальная антропология: интеграция наук: сборник научных статей по итогам Международной научной конференции, 12 октября 2017 г. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. С. 14–20.
3. Евсеев В.А. Этнология и социальная антропология: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2022. 241 с. URL: <https://urait.ru/bcode/495774> (дата обращения: 05.03.2022).
4. Козлов А.И., Козлова М.А. Антропология: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2022. 319 с. URL: <https://urait.ru/bcode/490356> (дата обращения: 06.03.2022).
5. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М.: Ключ-С, 1998. 187 с. URL: <https://uchebnikfree.com/antropologiya-istoriya/sotsialno-istoricheskaya-antropologiya.html> (дата обращения: 06.03.2022).
6. Кошкин А.П. Использование метода включенного наблюдения при изучении неформальных социальных объединений // Социальная антропология: интеграция наук: сборник научных статей по итогам Международной научной конференции, 12 октября 2017 г. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. С. 176–179.
7. Крысько В.Г. Этническая психология: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022. 359 с. URL: <https://urait.ru/bcode/489135/p.12> (дата обращения: 10.01.2023).

8. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. В.В. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/stross_struktur_antrop.htm (дата обращения: 10.01.2023).

9. Морозова Г.Г. Основные проблемы современной социальной антропологии // Булгаковские чтения. 2015. № 9. С. 132–138. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25013368> (дата обращения: 10.01.2023).

10. Новикова Е.Ю. Социоантропологический подход в науке // Социальная антропология: интеграция наук: сборник научных статей по итогам Международной научной конференции, 12 октября 2017 г. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. С. 11–14.

11. Орлова Э.А. Социальная и культурная антропология: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2022. 336 с. URL: <https://urait.ru/bcode/489973> (дата обращения: 10.11.2022).

12. Отюцкий Г.П. Социальная антропология: учебник и практикум для вузов / под ред. Г.Н. Кузьменко. М.: Юрайт, 2022. 423 с. URL: <https://urait.ru/bcode/489372> (дата обращения: 10.10.2022).

13. Панкратова Л.Э. Социальная антропология. Екатеринбург: РГППУ, 2016. 128 с. URL: <http://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/20930> (дата обращения: 10.01.2023).

14. Этнология (этнография): учебник для вузов / под ред. В.А. Козьмина, В.С. Бузина. М.: Юрайт, 2022. 438 с. URL: <https://urait.ru/bcode/489011> (дата обращения: 11.10.2022).

Оглавление

Глава 1. Социальная антропология как наука.....	3
1.1. Антропология и ее основные направления.....	3
1.2. Объект и предмет социальной антропологии.....	4
1.3. Объект и направление социально-антропологических исследований.....	5
1.4. Взаимосвязь социальной антропологии с другими науками.....	6
1.5. Специфика социальной антропологии, ее принципы и функции.....	13
1.6. Социоантропологический подход в науке.....	18
Контрольные вопросы и задания.....	19
Глава 2. Факторы формирования и этапы развития социальной антропологии.....	19
2.1. Факторы формирования социальной антропологии.....	19
2.2. Периодизация становления и развития социальной антропологии.....	19
2.3. Основные проблемы современной социальной антропологии.....	22
Контрольные вопросы и задания	24
Глава 3. Основные вопросы социальной антропологии.....	25
3.1. Основные понятия социальной антропологии: культура и социальная структура	25
3.2. Элементы социальной дифференциации жизненного мира социума.....	26
3.3. Стратификация и культура. Культурно-речевая стратификация.....	27
3.4. Социокультурная типология личности.....	33
3.5. Социально-историческая типология личности.....	40
3.6. Формационно-классовая концепция типологии личности.....	44
3.7. Формирование нового типа личности и парадоксы его существования.....	44
Контрольные вопросы и задания.....	49
Глава 4. Культура повседневности как объект социально-антропологического исследования.....	49
4.1. Исследование повседневности.....	49
4.2. Теоретические подходы к изучению повседневности.....	53

4.3. Историческая эволюция семиотической системы повседневности.....	57
4.4. Методы изучения повседневности.....	59
Контрольные вопросы и задания.....	65
Глава 5. Методы социально-антропологического исследования.....	66
5.1. Система методов социальной антропологии.....	66
5.2. Принципы социально-антропологических исследований.....	72
5.3. Особенности антропологического подхода к изучению человека, культуры и общества.....	73
Контрольные вопросы и задания	75
Библиографический список.....	77

Ирина Валерьевна Довгалева

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Учебное пособие

Редактор С.В. Борисов
Корректор Ю.Ф. Воробьева

Подписано в печать 06.03.2023

Формат 60×84/16

Физ. печ. л. 5

Тираж 50 экз.

Усл. печ. л. 4,65

Заказ № 12

Бумага писчая

Уч.-изд. л. 4,35

С – 12

Редакционно-издательский центр
Тверского государственного технического университета
170026, Тверь, наб. Афанасия Никитина, 22